

Герцог ре Сфорц

Автор:

[Серг Усов](#)

Герцог ре Сфорц

Серг Усов

Попаданец в Таларею #4

Наш современник, попавший в магический средневековый мир в тело бесправного раба, совершив удачный побег и став офицером наёмного отряда, сумел многого добиться – заслужив и титулы, и репутацию. Теперь он уже не просто мелкий феодал, а владетель герцогства, укрепление и развитие которого станут его первоочередными задачами.

Но не только прогрессорство в технике, развитие управленческих структур или совершенствование других сторон жизни его нового владения будут занимать его силы и время. К сожалению, количество врагов не уменьшается, а значит, снова будут войны и политические интриги. Всё, как и должно быть в реальной жизни средневекового феодала.

Серг Усов

Попаданец в Таларею

Книга 4

Герцог ре Сфорц

Глава 1

В узкое зарешечённое окошко школьного карцера было видно только небольшое пространство возле дровяного склада. И для того чтобы полюбоваться этим простым и унылым видом, Фрину надо было немного подпрыгнуть, уцепиться за прутья решётки и подтянуться, что тринадцатилетнему пацану было не так-то и просто сделать.

В небольшой, четыре на четыре шага, камере ничего не было, кроме сделанного из того же магического мрамора, из которого была построена и сама школа, широкого выступа вдоль левой стены, на котором могли спать провинившиеся ученики.

Фрин услышал, как лязгнул засов соседней камеры.

- Не проголодались ещё, Крес? Вот ваш завтрак.

Голос Цадия, пожилого угрюмого раба госпожи Кары, их школьной директрисы, звучал сочувствующе – раб жалел всех учеников, которым выпадало какое-нибудь наказание, хотя именно он по приказу своей хозяйки выполнял, помимо обязанностей дворника, ремонтника и истопника, ещё и должности тюремщика и экзекутора.

Сочувствие к ученикам не мешало ему относиться и к последним обязанностям всегда ответственно – свою хозяйку он не столько боялся, сколько уважал, и все её поручения выполнял добросовестно.

Впрочем, такое же уважение к госпоже Каре было и у учеников школы. Всегда выдержанная, одинаково требовательная ко всем своим воспитанникам, независимо от их происхождения, она не выделяла из них любимчиков. Хотя Фрин подозревал, что по отношению к нему она более снисходительна, пусть внешне это никак и не проявлялось.

Тем не менее Фрин был уверен, что если бы в драке с Кресом участвовал кто-нибудь из других учеников, а не он, то стоянием коленями на горохе и карцером на сутки наверняка бы не обошлось – в столярной мастерской у Цадия, в высокой плетёной корзине рядом с лавкой, всегда были наготове свежие розги.

– Так и Фрин ждёт свой завтрак, – бормотал раб, открывая запор двери в его камеру. – Вот ешь, – сказал он, входя и доставая из-под крышки большой корзины глубокую тарелку, флягу и свёрток. – Обедать будешь, я слышал, уже в госпитале.

Одной из причин особого отношения к нему директрисы, как предполагал сам Фрин, было то, что он, будучи хоть и не сильным магом, сумел освоить заклинание исцеления. А другой причиной то, что он не отлынивал ни от занятий, ни от вечерней работы в госпитале, где он помогал врачам, не обладавшим магическими способностями, лечить больных и раненых.

Пусть он и не обладал такой огромной магической мощью, как у графини Ули ри Шотел, но магия есть магия, даже слабая, как у него, она вытаскивала из объятий смерти, казалось бы, совсем безнадежных пациентов.

Жаль, что скидок в учёбе ему за это никто не делал, да и за плохое поведение по головке не гладили.

– Крес! – крикнул он в открытую рабом дверь, когда тот выходил из камеры. – Ты меня прости за вчерашнее. Я сам не знаю, чего так разошёлся.

– Это ты меня прости, Фрин, – глухо раздалось из-за закрытой двери камеры товарища, – и спасибо, что исцелил синяки, которые сам и поставил.

– Вот молодцы какие, – похвалил их Цадий, закрывая на засов дверь. – Тока лучше бы вы вчера друг дружке морды не били, – добавил он, уже удаляясь по коридору. – В следующий раз, чую, хозяйка точно вас на лавку ко мне отправит.

Голодом в карцере не морили и даже порции тут были не меньше, чем в школьной столовой. Фрин свернул тюфяк, лежащий на мраморном выступе – не только голодом морить, но и портить здоровье провинившихся школьников спаньём на холодном камне никто не собирался – и разложил принесённую еду.

Здесь, не в общей школьной столовой, а в одиночестве, он вдруг вспомнил, как первый раз в стенах школы наелся до отвала, и как директриса ругала Лидору, повариху, когда ему стало плохо от переедания.

Фрин старался меньше вспоминать о прошлом, в котором, кроме холода, голода и побоев, практически ничего и не было. Он не знал ни откуда он родом, ни кто была та женщина, которую он мог бы называть своей матерью.

Осознал Фрин себя, насколько он помнил, в каком-то обозе, который, казалось, бесконечно долго откуда-то и куда-то ехал. Помнил чью-то красную мужскую рожу, которая постоянно на него кричала. А потом он оказался на одном из постоянных дворов возле города Эллинса, что был на сотню лиг южнее Нимеи, второй столицы Винора.

Но про географию эту он узнал уже здесь, в школе. А тогда он был оставлен на том постоялом дворе, где с тех пор и до семи или восьми лет, он и сам не знал свой точный возраст, работал во дворе, убирая мусор и подметая дорожки.

Видимо, тот красномордый мужик, как теперь понимал Фрин, был не очень-то и плохим, раз не охолопил его и не продал в качестве раба – кто бы там стал разбираться? – а просто бросил.

Потом были какие-то злые вооружённые люди, которые разграбили и чуть не спалили все постройки двора. Семья владельца постоянного двора оказалась в таком положении, что и себя-то с трудом могла прокормить. И снова Фрин оказался в обозе, с которым и прибыл в Промзону.

Предоставленный сам себе, он занимался подёнными работами у разных хозяев и попрошайничеством. Один раз даже удачно украл почти треть лотка булочек у зазевавшегося пекаря.

Когда в нём проснулся магический источник, он чуть не умер, но как-то выкарабкался. На него положил глаз один из мастеров-кожевников и хотел забрать к себе, но тут-то и появились те, о ком в Промзоне и не только, говорили полушёпотом и оглядываясь.

Убирая к порогу использованную посуду, Фрин усмехнулся, вспомнив, как он плакал и скулил, когда узнал, что его схватили вездесущие люди страшного барона Нечая Убера.

– Фрин! Так тебя уже выпускают?!

– Не ори! – тоже крикнул через две двери и коридор он Кресу. – Услышат, что шумим – точно высекут!

– Да кто услышит-то?! – продолжал кричать Крес, – в школе одни рабы остались! Остальные на карету пошли смотреть! На большую! Которая по рельсам поедет!

Крес был прав. Кроме обслуги, в школе сейчас никого нет, и если бы не вчерашняя драка и последовавшее за ней наказание, то и они бы вместе с учителями и со всеми учениками, оставшимися при школе на летние шестидекадные каникулы, тоже бы пошли смотреть на очередную интересную придумку их герцога. Да и ученики из благородных и состоятельных семей, которых распустили на каникулы по домам, наверняка там будут – какой дурак пропустит такое зрелище?

– Меня в госпиталь работать заберут! А вернут сюда после работ или нет, я не знаю! – ответил он.

– Вряд ли вернут! Фрин, купи пирожных, будь другом! Я перед Каминой извинюсь! Я тебе деньги потом отдам!

– Ладно!

То, что Крес вернёт деньги за покупку, Фрин не сомневался – среди учеников школы обман не приветствовался.

К тому же Крес всегда был при деньгах. Его отец, из невладетельных благородных, служил начальником штаба второго кавалерийского полка, стоявшего лагерем в десятке лиг от Пскова. Но перед самым началом летних каникул полк в спешном порядке перебросили к границе с Саароном, а матери у Креса не было. Так и получилось, что он остался при школе вместе с тремя десятками учеников из разных классов и курсов, которым, как и Фрину, некуда было податься.

А вообще, как бы госпожа Кара и учителя ни старались уравнивать всех учеников, это не получалось – часто благородные и богатые дети держались по отношению к своим однокашникам высокомерно и пренебрежительно. Впрочем, на Фрина, часто лечившего своих товарищей от всяких ушибов, полученных ими на занятиях по гимнастике, такое отношение не распространялось.

В школе были строгие правила, говорили, что установленные самим герцогом. Однажды, во время своего дежурства в классе, он услышал разговор госпожи Кары со стариком Лотусом, учителем магии.

Директриса сказала тогда, что в тех дальних краях, откуда прибыл герцог Олег, только дети черни и простолюдинов учились свободно, и им разрешалось прогуливать занятия и бездельничать. Якобы некоторые владельцы даже поощряли таких детей к тому, чтобы те больше времени развлекались, ходили на всякие уличные мероприятия и росли бестолковыми. Но вот дети самих владельцев всегда содержались в строгости и учились в закрытых пансионах. Им за малейшую провинность грозило жёсткое и неотвратимое наказание, а уж чтобы прогулять занятия – об этом и помыслить никто из них не мог.

Из случайно услышанного разговора Фрин понял, что герцог и правда хочет в недалёком будущем получить себе из учеников школы надёжных и толковых помощников. Не зря же в каждом классе, над учебной доской, кроме изречения герцога Олега ре Сфорца: «Учиться, учиться и учиться», висело и другое его изречение: «Благородство по уму определять буду».

– Всё, выходи, Фрин, – сказал Цадий, укладывая грязную посуду в корзину. – Посыльный из госпиталя уже прибежал. До обеда ещё далеко – зайди к Лидоре, она тебе там кое-что вкусненькое приготовила.

Лидоре, ещё достаточно молодой женщине, работавшей поваром в школьной столовой, Фрин подлечил зрение, и она всегда старалась его подкормить. Правда, он был не единственным её любимчиком. Все худые мальчишки и девчонки из сирот или нищих семей Лидорой подкармливались сверх установленных норм. Это, конечно, было нарушением, но госпожа Кара, наверняка зная об этом – она вообще была в курсе всего, что происходило в школе и вокруг неё, смотрела на такое поведение своей рабыни, скорее, благожелательно. К тому же подкармливались ученики не за счёт других.

Школа вообще обеспечивалась всем необходимым с избытком. А ученики из сирот и черни, кроме бесплатной еды и одежды, получали и на карманные расходы.

Для кого как, а для Фрина пятнадцать тугриков в декаду школьной стипендии и двадцать пять за подработку в госпитале были огромными деньгами.

Раньше, до того, как он попался в руки агентов полковника Нечая, он и мечтать не мог, что будет получать такие деньги, да ещё на всём готовом.

– Фрин, не забудь! – напомнил о своей просьбе Крес.

– Не забуду! – пообещал молодой маг.

Из кухни, на ходу съев три ещё горячих пирожка с малиной, Фрин поднялся в свою комнату в общежитии, которую он делил ещё с двумя учениками с курса младше, быстро принял душ и переоделся из подменки, в которой отбывал наказание карцером, в рабочую одежду.

На выходе из комнаты он неожиданно столкнулся с Каминой, своей одноклассницей, из-за которой, собственно, вчера и случилась у него драка.

Ещё квартал назад девушка имела неосторожность поделиться с подругой тем, что влюблена в самого герцога Олега. На следующий день над ней смеялась уже вся школа, и хоть за прошедшие декады накал насмешек заметно снизился, всё равно временами Камине приходилось опять злиться и краснеть.

Нет, будь она поздоровее телом или обладай склочным характером, возможно, всё бы и быстро закончилось. Но эта, с детства недокормленная сверстница Фрина, не отличалась ни тем, ни другим.

Крес, неплохой, в общем-то, парень, любил иногда подшучивать над своими товарищами и подругами, и это удивительным образом совмещалось у него с тем, что сам он шутки над собой не терпел и часто лез в драку при малейшей насмешке над ним. Наверное, половина розог у Цадия тратилась на задницу Креса.

Так и в этот раз, стоило ему в ответ на свою подначку в адрес безропотной Каминьки услышать от Фрина шутку в свой адрес, как он тут же вспылел.

Вчера госпожа Кара так и вовсе пригрозила написать его отцу в полк, что изрядно напугало драчуна. Отца он не боялся, а очень любил и уважал, и не хотел его огорчать.

– А ты чего на карету не пошла посмотреть? – не очень дружелюбно спросил Фрин одноклассницу, обходя её и двигаясь к выходу из общежития.

– Я с тобой, в госпиталь. Насмотрюсь ещё.

Камина тоже была магом. Ещё более слабым, чем Фрин. Кроме боевых заклинаний Пламя и Сфера, ей удалось выучить пока только Сохранение. Но в госпитале она помогала, работая простой санитаркой.

Помимо денег, которые этой дочери нищих были нужны, она всё время ожидала приезда герцога, иногда навещающегося в госпиталь, как и в другие присутственные места, кроме, пожалуй, школы, шефом которой была его сестра графиня ри Шотел. Никакие насмешки совсем не влияли на надежды Камини.

Так, с хвостом в виде своей одноклассницы, коллеги по лекарскому делу и подруги, он и вышел из школы.

Город, возведённый гением герцога и магической мощью его сестры, потрясал воображение.

Здания, проспекты, тротуары, мосты, городские стены и башни, всё возведённое из неразрушимого магического мрамора различных цветов и оттенков, привели Фрина в восторг в первый миг, как он попал в Псков. И с тех пор этот восторг не только не утихал, а только усиливался.

Они шли по широкому центральному проспекту, который теперь отделялся от рядов зданий не только густыми аллеями фруктовых деревьев по обе стороны от него, но и проложенной совершенно недавно рельсовой дорогой для конки – очередной идеи герцога.

С моста через Псту, проходя по которому Фрин всегда задерживал шаг, чтобы полюбоваться этим красивым сооружением и видами с него, он особенно долго смотрел на новый, хоть и не огромный, но величественный герцогский дворец из магического мрамора ослепительно белого цвета.

Говорят, правда, что сам герцог и его сестра там редко появляются, проводя время в разъездах по герцогству, посещая производства и стройки, многим из

которых без личного участия его или графини было бы не обойтись.

В последнее время герцог всё чаще выезжал в полки. Как сказал Штернит, их учитель истории: «Похоже, что в воздухе запахло войной».

– Ну, ты чего встал, Фрин? – девушка нетерпеливо топталась рядом с ним, кивком подбородка указывая вперёд.

Тот и сам видел, этого невозможно было не заметить, огромную толпу в начале проспекта, которая продвигалась в их сторону.

– Пойдём скорее, – согласился он, отмерев и резко ускоряя шаг.

– Так что и конку посмотрим, – чуть запыхавшись говорила Камина – ей, чтобы успевать за Фрином, приходилось почти бежать.

Казалось, что посмотреть эту новую диковину вышел весь Псков.

Чтобы не быть затоптанными встречным потоком людей, бегущих или идущих быстрыми шагами рядом с тянувшейся двумя лошадьми-тяжеловозами огромной каретой, Фрину с Каминой пришлось забиться почти в самый центр аллеи.

К своему восторгу, ему удалось хорошо разглядеть это чудо. А ничем иным, кроме как чудом, это было бы сложно назвать.

Всего две лошади, пусть и мощных, легко и плавно тянули огромную карету, в которой только с одной стороны он насчитал целых семь окон, через которые были видны сидевшие внутри семьи самых именитых владельцев баронства. Он не смог их сосчитать, но, по его прикидкам, там разместилось человек тридцать, не меньше.

Когда карета проехала мимо них, им с Каминой пришлось ещё ждать, пока пройдёт восторженно шумевшая толпа, среди которой он заметил не только жителей города, но и виденных им позавчера на дворцовой площади представителей городов и вольных, теперь уже бывших, поселений.

Школьники тоже присутствовали при том торжественном моменте, когда представители всех городских мэрий и магистратов, поселковых управ добровольно отказывались от своих древних прав на самоуправление и умоляли герцога ре Сфорца взять их под своё прямое, справедливое и мудрое, управление. Три раза они обращались к нему с такой просьбой. Фрину даже стало жалко этих людей, когда он подумал, что их мольбы останутся безответными. Да и не он один так подумал. Особенно когда герцог уже собирался возвращаться к себе в дворец.

Но всё же с третьего раза, благодаря заступничеству уже самой графини Ули ри Шотел, герцог согласился. Правда, он поставил и свои условия, но их в криках всеобщего ликования никто особо и не слышал.

– Как здорово, Фрин, – засмеялась Камина, – даже не верится, что скоро и мы так будем по городу ездить.

– Ну да, если тебе тугрика не жалко, – буркнул прижимистый Фрин, впрочем, сам он тоже решил обязательно прокатиться.

В каком ещё городе, кроме как в городе герцога Олега ре Сфорца, простолюдин может ездить в карете?

Глава 2

Одним из, пожалуй, главных достоинств магического мрамора, кроме его прочности, было то, что он хранил тепло в холодное время и прохладу в жаркое.

Олег слегка раскачивался в кресле-качалке, изготовленном по его личным чертежам, рядом с распахнутым окном, попивал лёгкое синезийское вино, слушал рассказ Лешика и временами смотрел, как жаркое летнее солнце играет в струях фонтана в дворцовом парке.

– С Генцем, мэром Гудмина, были самые большие проблемы, а так, в общем-то, всё прошло, как и было задумано, – завершил рассказ бывший бретер.

– Так на чём Генца всё же прижали? – уточнил Олег.

– Да ни на чём, если честно. Пришлось прибегнуть к старому, проверенному методу – самому к нему явиться с парочкой своих ребят, поговорить, пристыдить, убедить.

Герцога немного покоробило, что на мэра Гудмина был совершён типичный бандитский наезд, причём, по сути, с его герцогского благословения. Как-то неприятно было об этом думать. Олег даже пожалел, что решил уточнить у Лешика эту, в общем-то, ненужную ему деталь.

После того спектакля с отказом городов и поселений от своих древних прав, режиссёром и исполнителем главной роли в котором был он сам, теперь ему предстояло заняться серьёзной кадровой работой.

Кстати, остальные актёры на этом представлении были обычными статистами, хотя, конечно же, многие из них догадывались, что за теми людьми, которые вытаскивали на свет убедительные для них доводы, стоял сам герцог Олег ре Сфорц.

– Как ты им и обещал, на первое время назначаю бывших мэров на должности городских Глав, – герцог протянул Лешику пять свитков, защищённых специально им разработанным Знаком Сфорца. – Вот передашь им сам. Не хочу лишний раз с этими плутами встречаться. Там разве что один Пражик, бывший теперь мэр Нерова, более-менее нормальный человек, да и то, если разобраться, порядочная свинья, – усмехнулся Олег.

Лешик внимательно разглядывал свитки, как будто был магом.

Свой Знак Олег разработал с такой защитой, что если даже появится в этом мире ещё один такой уникал, как он, то ни за что не сможет его подделать.

Олег сделал его не двухмерным, как практикующиеся здесь родовые Знаки, и даже не трёхмерным, а сложив весьма мудрёную конструкцию по образу пространственного стереоизображения. При этом любой маг мог также сравнить его Знак с образцом, как и другие родовые Знаки.

– Тут пять, – Лешик с недоумением потрянул свитками, – городов – четыре.

– Ах, да, – вспомнил Олег, – там ещё свиток для тебя. Я тебя жалую баронством Гирвест. Прошлый владетель умер ещё шесть лет назад, не оставив наследников, а воевавших за это наследство баронов Чеппина и Бюлова, я – как ты говорил? – пристыдил и убедил забыть про него.

Лешик бухнулся на колени и очень серьёзно произнёс слова вассальной клятвы. Олегу даже показалось, что голос этого прожжёного плута, афериста и убийцы при этом в паре мест клятвы предательски дрогнул.

– Принимаю твою клятву, – ответить на такой порыв Лешика, раскачиваясь в кресле-качалке, у Олега не хватило совести, поэтому он встал и произнёс ритуальные слова подобающим образом.

В этот момент Олег понял, как в своё время было приятно императрице Агнии и её имперскому Совету расплачиваться с ним тем, что для них ничего не стоило.

Олегу это баронство, можно сказать, само свалилось в руки, и поощрить им своего столь полезного, а пожалуй, и одного из самых нужных для него людей, сами Семеро велели.

– Лешик, пусть твои люди негласно помогут новым комендантам городов, – опять усевшись в своё любимившееся кресло-качалку и делая знак новоиспечённому барону садиться, Олег вернул разговор в деловое русло. – Начальников городских страж, этих разжиревших ублюдков, я вышибу со своих мест. Чек пусть злится, но четверых толковых офицеров я у него заберу – у Бора и так беда с кадрами.

– Я бы всю стражу разогнал, – предложил Лешик, – там все только взятые по блату бездельники. Толку-то с них... Ну почти все, – немного подумав, поправился он.

– Вот именно, что почти. Не нужно торопиться. Присмотримся и определимся с каждым. Вернее, вы с Бором определитесь. А я вас потом проконтролирую. Выборочно. Да и нет у нас сейчас столько людей, чтобы всех заменить. Опять трясти армию? Оттуда набирать? Сам знаешь, что у нас на востоке назревает. Так что не время.

В принципе, вопрос замены стражников в теории не был сложным. Здешние стражи порядка – это вовсе не полиция и не следственный комитет его родного мира.

Здесь для поиска преступников никаких дедуктивных методов и следственных действий не знали и, естественно, не применяли.

Ловили подозреваемого или подозреваемых и пытками выбивали у них истину. Если оказывался виновным – то на городскую площадь, толпу своими криками и гримасами боли развлекать, а если невиновен и никто не желает с тобой сводить счёты, то и иди себе домой, если, конечно, сможешь идти или вообще живой останешься.

Таких палачей, как Олегов главный палач Нурий, было очень мало, считай, единицы. У которых подозреваемый не только рассказывал всё, что знал, и то, что даже забыл, но и оставался живым и уходил на своих ногах, если оказывался невинным.

Но теория – это одно, а практика – это другое. А здравый смысл подсказывал Олегу, что нужного количества людей, да ещё и в комендантские службы сразу четырёх немаленьких, по здешним меркам, городов, ему быстро не найти.

– Что-то ещё у тебя было ко мне? – отвлёкся от своих мыслей Олег.

– Да. Насчёт Монса.

– А что с ним не так? – удивился Олег. – Жениться не хочет, что ли? – пошутил он.

У герцога было хоть и деловое, но хорошее настроение на фоне событий вчерашнего насыщенного дня – он, конечно, рассчитывал, что конка заинтересует горожан и гостей Пскова, но что это вызовет такой восторг, даже не предполагал. Не избалованы люди в этом мире всякими техническими новинками. А уж до исааков ньютонов с законами механики им бы ещё многие столетия предстояло расти, если, конечно, тут вообще бы не последовало регресса, как в той же цивилизации майя.

– С доходами непонятно что делать, – не поддержал шутливого настроения своего шефа Лешик. – Ты же запретил ему пользоваться услугами растинских банков. А что тогда делать с деньгами, полученными от продаж? А там ведь речь идёт об очень приличных суммах. То, что Гури, твой министр торговли, хомяк толстый, отправляет туда, разлетается через магазин Монса как горячие пирожки.

Сказанное не было для Олега новостью. Он даже сам поучаствовал в определении перечня товаров, которые будут реализовываться через первый в этом мире прообраз фирменного магазина, в котором он приказал организовать и промтоварный, и продовольственный отделы. Правда, продовольствие он поставлял немного сомнительное – кальвадос и водку, которую уже начали выпускать в Распиле. Но, кроме огненной воды, Олег наладил поставки сахара и конфет – пока ещё простеньких леденцов и карамели, но и это вызвало буквально взрыв в покупательском спросе.

– Не вижу проблем, – пожал плечами Олег. – Не мы первые, не мы последние. Пусть меняет деньги на векселя – я понимаю, что отправлять золото в такую даль, каждый раз никакой охраны не напасёшься – а векселя обменяем на живые деньги в винорском или в синезийских банках у нас в Гудмине или Легине, или где-нибудь с нами поблизости, хоть у тех же наших бирманских соседей.

– Не получится, – покачал головой Лешик, – об этом и говорю. Ты же приказал Монсу иметь дело с Винорским королевским банком, а его векселя уже с начала года другие банки не принимают. Если же будешь обналичивать в королевском банке, то тебе сейчас новыми лиграми и выдадут. В них содержание серебра уменьшили на пятую часть, а золота вообще на четверть. Кстати, не подумай, что я критикую твои решения, но та скидка в десятую часть, которую ты установил Монсу при продажах за рубли, не сработает. У теневых менял рубль дороже винорского лигра на треть – это больше, чем даже разница в золотом содержании. Сам знаешь, сейчас многие придерживают рубли для накопления.

– Не думал, что у Лекса настолько плохи дела, – герцог даже перестал раскачиваться. – И давно он монету портит? Армин, дрянь такая, не посчитал нужным сообщать такие мелочи, пустяки, ерунду своему шефу? – даже хорошее настроение не помешало Олегу дать себе обещание устроить своему министру финансов и налогов хорошую головомойку.

– Портит-то давно, – ответил Лешик. – Только раньше это делали не очень заметно, а с начала года даже по внешнему виду монет стало заметно. Вот посмотри, – он снял с пояса кошель и, порывшись в нём, извлёк три серебряные монеты номиналом в сто солигров – треть лигра, в лигр и три лигра, а следом выложил и две золотые монеты в десять и пятнадцать лигров. – Это всё новые монеты. Видишь, какой цвет?

Говоря по правде, каких-то отличий в новых серебряных монетах Олег не заметил, впрочем, он и не специалист в этом вопросе. А вот чтобы увидеть намного более светлый оттенок золотых монет, никаким специалистом и не надо было быть.

– Что ты предлагаешь? – спросил он.

Олег давно приучал своих людей к тому, что он не жрец храма Семи, и просто рассказывать ему, как всё плохо или, наоборот, как всё хорошо, недостаточно. Он требовал, чтобы его соратники заранее готовили и свои предложения по проблемам. То есть вот это у нас хорошо, но, чтобы было ещё лучше, предлагаю сделать то-то. Или вот это у нас плохо, а чтобы стало хорошо, прошу выделить средства для того-то.

– Я предлагаю пока пользоваться растинскими банками, – высказался новоиспечённый барон. – У них самая разветвлённая сеть банковских отделений, они берут самую малую долю за обслуживание и у них всегда наготове приличная сумма наличных денег – не нужно ждать декадами.

Олег пообещал Лешику подумать. Кормить растинских торгашей ему не хотелось, но и усложнять работу своим людям тоже.

После ухода его нового барона в кабинет пришёл Клейн. С ворохом свитков.

– Клейн, меня уже накормят обедом или решили своего герцога голодом уморить, – возмутился Олег потоком не прекращающихся с самого утра дел. – Есть что-то срочное?

Его бывший адъютант ещё по приезду из столицы был им назначен министром Двора и произведён в полковники. Но на характере Клейна это никак не сказалось. Он был всё также спокоен, невозмутим, и всё также временами

переходил на «вы», хотя давно получил право неофициального обращения со своим шефом один на один.

– Из срочного – только война, а остальное может и подождать, – сообщил министр. – Я взял на себя смелость вызвать во дворец графиню, барона и баронессу Паленов и Агрия. Полковники Нечай и Бор уже здесь. Ждут в приёмной, чтобы доложить о причинах бунта в нашей столице и результатов его подавления.

– Какой бунт, Клейн? Ты пьян, что ли? – изумился Олег.

Его изумление словами своего министра Двора было понятно. Нет, насчёт войны там всё было ожидаемо – события вокруг Лара-Сара нарастали, как снежный ком, и что без боевых действий там не обойдётся было ясно практически всем. С его согласия Чек уже начал переброску войск на восток герцогства. Но вот известие про бунт в столице повергло его в шок. Этого просто не могло быть, потому что не могло быть никогда.

– Я не пью днём, господин герцог, – сообщил ему Клейн. – Может мне пригласить полковников? Они всё объяснят.

От рассказа Нечая и Бора Олег не знал, смеяться ему или плакать.

Конечно, никаким бунтом тут и не пахло. Клейн спутал бунт с беспорядками. А причиной беспорядков послужила конка.

Олег посчитал, что трёх карет, на тридцать два места каждая, вполне хватит. Да так оно и было на самом деле. Вот только первые дни вызвали слишком большой ажиотаж, а к правилам поведения в очередях тут народ не подготовлен совсем по причине отсутствия таковых.

Рельсы были проложены по обе стороны центрального проспекта, между ним и аллеями, а возле западных и восточных ворот были сделаны рельсовые круги для разворота – кареты ездили по кругу. Там и были сделаны конечные остановки.

Весь вчерашний день на конке катались благородные со своими семьями, любуясь давно знакомыми видами города и наслаждаясь мягкостью и плавностью поездки.

А вот сегодня, с самого рассвета, как только запустили движение, начались скандалы. Мало того, что на остановках, устроенных на проспекте, в кареты невозможно было попасть – заплатившие тугрик пассажиры не собирались вылезать из кареты, не проехав весь путь, так и на конечных остановках проехавшиеся из одного конца города в другой изъявляли желание заплатить ещё один тугрик и ехать назад.

Проспавшие и опоздавшие к открытию движения продолжали накапливаться, и в итоге это привело к массовой драке возле восточных ворот.

– Свыше двух сотен арестованных, – докладывал Бор. – Всех определили в тюрьму – ещё не разбирались, кто виноват, а кому ни за что досталось. Среди арестованных – уважаемый Бимелатус, а его брата Бомариуса доставили в госпиталь со сломанным носом и сломанной рукой. Много других почтенных и уважаемых ваших подданных или у меня под замком, или у Роша на госпитальной койке.

– Зачинщиков и злонамеренных действий не выявлено, – вставил свои пять тугриков Нечай.

Олег на эти известия только и мог, что развести руками.

– Ладно, – хмыкнул он. – Разбирайтесь. Только обойдитесь без нашего уважаемого палача Нурия и его людей. Бима выпустить, с ним я сам потом разберусь. А Бома тащите сюда, во дворец. Вылечу дурака.

Бим-Бомы были для Олега не просто первыми его торговыми партнёрами. Они и до того, как перебраться жить из Руанска в Псков и перевезти сюда своего отца, оказали ему немало услуг. Герцог считал себя в какой-то мере перед ними в долгу, и оставить их без помощи не захотел.

– Отдайте распоряжения своим людям и оставайтесь, – приказал он. – Сейчас приедут Палены и графиня с Агрием. В узком составе обсудим кое-что посерьёзней вашей драки.

– Лара-Сар? – догадался Нечай.

– Угу, – подтвердил Олег.

По вассальному договору между королём и герцогом Олегом ре Сфорцем, последний обязан был в любое время по требованию короны сроком на восемь декад предоставить в распоряжение своего сюзерена тысячу воинов, обеспечив их полностью на весь этот срок продовольствием и фуражом.

Причём это вовсе не означало, что по истечении данного срока воины герцога могли уйти с боевых действий. Нет, пока война не закончится, они обязаны будут продолжить службу королю, вот только король должен уже будет их службу герцогу оплачивать по расценкам наёмников и обеспечивать людей герцога за свой счёт.

Договор предусматривал также и предоставление герцогом своему королю других войск за отдельную плату. Да и любую другую помощь, о которой они смогут договориться.

– Гортензия, – обратился герцог к своему министру иностранных дел, – я тебя попрошу в дипломатичных выражениях, как ты это умеешь, донести нашему дорогому королю одну мысль. Уля – имперская, подчеркни, имперская графиня, от титула винорской баронеты она отказалась, титул герцогессы она не принимала, поэтому призывы к её верноподданническим чувствам может использовать только божественная Агния, а не он. И, вообще, воевать ей некогда – у неё ёлка на носу, в смысле рельсовая дорога к нашим нефтяным богатствам – что это такое я вам потом расскажу. У неё куча дел в своём, полученном ею имперском, ещё раз подчеркни, имперском графстве. Так что пусть Лекс катится колбаской по Малой Спасской. Это улица у нас такая в Пскове скоро будет – от западной набережной к районам постоянных дворов.

– Она ему не для войны нужна, думаю, – с улыбкой сказала самая умная красавица его герцогства, кивком дав понять, что задачу уяснила.

На слова Гортензии все засмеялись, кроме Ули, которая покраснела от смущения, и Нечая, который побледнел от злости.

Проголодавшийся герцог устроил совещание, совместив его с обедом. И сейчас с удовольствием налегал на сделанные поварихой по его рецепту манты.

Глава 3

Эта лесная тропа была заросшей по краям близко обступающими её деревьями, поэтому ехать на лошади приходилось, не торопясь и часто пригибаясь.

Построенные Олегом города, поселения, производства, дороги мало изменили остальную территорию герцогства. Все его ростки цивилизации по-прежнему тонули в лесной глуши этого края.

Буквально в десяти лигах от Пскова Олег со спутниками оказались словно в ненаселённом, диком мире, первобытность которого не разрушала даже эта, неизвестно кем и неизвестно когда протоптанная тропа.

– Здесь? – спросил герцог у Геллы, когда они выехали на внезапно открывшуюся им большую поляну, на дальнем конце которой виднелось небольшое озерцо.

– Да, – подтвердила баронесса Хорнер. – Это оно. То самое место. Смотри, мне кажется, что тут будет удобно. И до Промзоны недалеко и, если прорубить и проложить небольшой участок дороги до Верского постоянного двора, то и тракт будет рядом, – Гелла, аккуратно сползая с коня, передала поводья своему сопровождающему рабу, вовремя оказавшемуся рядом.

– Ты как себя чувствуешь? – забеспокоился Олег. – Всё же не надо тебе было самой сюда ехать, показали бы мне и без тебя.

– Да нормально я себя чувствую. Перестань, Олег, – раздражённо ответила баронесса. – Ничего со мной от десяти лиг неспешной конной прогулки не случится.

Дело шло к тому, что менее чем через полгода, Олег на какое-то время лишится сразу двух своих давних соратниц – министра промышленности и командира первого егерского полка. Гелла и Рита были беременны, причём умудрились

попасть в положение практически одновременно, ну, может, с разницей в декаду, не больше.

– Ну как? – поинтересовалась она, когда они прошли всю поляну до озера и посмотрели довольно большой ручей, из него вытекающий.

– Сойдёт, – кивнул герцог. – Самое то, что нужно. И недалеко, и скрыто в лесу, и вода есть. Принимается, – вынес он свой вердикт.

Построить нефтеперерабатывающее производство недалеко от Пскова он решил не сразу. В его первоначальных планах было организовать это на севере герцогства, в тех землях, права на которые он выкупил за жалкие пятьдесят тысяч лигров – считай, что за пятак рубль купил. Так ведь ещё все члены королевского Совета еле прятали насмешку над глупым выскочкой.

Но потом всё же решил держать такое производство поближе – какая разница, то ли перерабатывать на севере, а потом оттуда везти продукты переработки в Промзону, Распил или Пален, то ли привезти нефть и тут, вблизи, переработать? К тому же перевозка земляного масла осуществлялась в бочках, сделанных из виборской сосны, а вот для более лёгких фракций, получаемых при переработке, придётся делать металлические. А с железом и так дефицит.

Нефть здесь называли земляным маслом и использовали её только в уличных фонарях. И понятно почему – она сильно коптила и пахла отнюдь не розами. Масляные же фонари в домах заправлялись рапсовым маслом, тем самым, которое использовали и вместо мыла. Поэтому особой ценности нефть в этом мире и в эту эпоху не представляла.

Олег не учился в институте нефти и газа, поэтому его представления о том, как нефть добывается и как перерабатывается, были весьма туманными. Он даже не сразу догадался, вернее, не обратил внимание на то, что называемая здесь земляным маслом жидкость – это и есть нефть.

В его представлении, в общем-то, правильном, для добычи нефти надо было бурить километровые скважины, вбивать туда множество труб и выкачивать механическими или электрическими насосами углеводороды, закачивая вместо них воду.

О том, что может быть и по-другому, он сообразил только, когда ездил на территории вольных поселений, чтобы определиться с возможными объёмами добычи там болотного железа и с необходимостью прокладки туда рельсовой дороги.

Нефть в тех краях лежала совсем рядом с поверхностью и выталкивалась наверх давлением болотной воды каждое весеннее половодье. Тогда он встретил небольшой обоз с тремя десятками рабов, принадлежащих одному из вольных поселений, тащивших восьмиведерные бочки, в которые перед этим прямо с поверхности воды собрали земляное масло – нефть.

У Олега были сомнения, сможет ли он сообразить, как выделять из нефти все те нужные фракции, но он здраво рассудил, что у него теперь под рукой есть целая химическая школа бывшего отравителя Ринга, которому ничто не помешает создать группу нефтехимиков, к тому же тайну молекулярного строения веществ Олег им давно открыл, а принцип самогонного аппарата им был известен.

Так что пусть дерзают, экспериментируют – на оплату, награды и просто добрые слова для толковых исполнителей Олег никогда не жадничал.

Надо было только всё же своих учёных поторапливать – необходимость в продуктах нефтепереработки нарастала, а использование растительных биоматериалов на этом этапе развития прогресса было бы крайне затратно и технически неэффективно.

По возвращении в Псков герцог, не заезжая в свой дворец, остановился возле здания штаба армии, умышленно построенного им из мрачного тёмно-серого мрамора: – «Война – это вам не лобио кушать», – вспоминалось иногда.

– Увидимся ещё сегодня, Гелла, – попрощался он со своим министром до ужина.

Командующего армией барона Палена в штабе не оказалось. Дежурный по штабу майор Филд доложил, что тот ещё вчера убыл в распоряжение батальев, лично проконтролировать их подготовку к походу.

– Начальник штаба барон Хорнер сейчас на месте, господин герцог, – майор немного волновался и всё время пытался невзначай поправить зацепившийся за

верхнюю пластинку лёгкого доспеха штаб-офицерский аксельбант. – Вас проводить?

– Не надо, – отмахнулся Олег. – Сам дойду.

Хотя Гортензия и написала весьма верноподданническое письмо с объяснениями, почему графиня ри Шотел не сможет принять приглашение короля на участие в походе к Лара-Сару, совсем уж обижать Лекса Олег не хотел. И вместо предусмотренных вассальным договором тысячи воинов предложил королю безвозмездно, то бишь даром, все свои три созданные баталии, а это полторы тысячи воинов, не считая свыше трёх сотен обозников.

Олег остался верен своим взглядам насчёт того, что некомбатантам в его армии делать нечего, и даже какие-нибудь помощники конюхов или поваров у него должны быть одеты в, пусть и лёгкие, доспехи, вооружены кинжалами и арбалетами, и уметь этим оружием пользоваться, пусть даже на невысоком уровне.

– Торм, поговори со своей женой, – говорил герцог, развалившись в кресле хозяина кабинета. – Не нужно ей на десятой декаде беременности разъезжать по объектам лично. У неё есть чиновники, пусть свой хлеб отрабатывают.

– Если уж она своего герцога в этом вопросе не слушает, то куда уж мне-то соваться? – улыбнулся Торм. – Да и давай по-честному, Олег, с тобой ни ей самой, ни нашему будущему ребёнку ничего не грозит.

– Да я и не про это сейчас говорю, – уточнил Олег, – а про то, когда меня или графини рядом не будет.

Он взял один из свитков, загромождавших стол начальника штаба армии, и развернул его. Это оказалась одна из справок, подготовленных разведкой.

– Что там Агрый пишет? – не стал вчитываться в написанное герцог, бросив свиток опять на стол.

Впрочем, всё, что ему сейчас мог рассказать Торм, Олег и так знал. Даже лучше его самого. Но ему было интересно послушать, как понимает сложившуюся

обстановку его старый соратник, и каким он видит дальнейшее развитие событий.

Кризис вокруг самого крупного города на востоке Винора возник практически на ровном месте.

Лара-Сар, город, когда-то отвоёванный ещё прадедом Лекса у королевства Саарон, ещё с тех времён всегда пользовался особыми привилегиями, отличающими его от других городов королевства, включая даже привилегию чеканить собственные серебряные лигры и серебряные и медные солигры.

После получения финансовых средств от отца молодой королевы, в качестве её приданого, и обещание в случае необходимости военной помощи, на королевском Совете приняли решение начать, наконец, наведение порядка на всей территории королевства.

Решение это было давно назревшим и необходимым, вот только начали его реализовывать совершенно по-дурацки – мягче слова Олег не находил.

Видимо, стараясь ещё больше укрепить финансовое положение королевства, а если быть точнее, уменьшить дыру в бюджете, с Лара-Сара и других городков Саарской провинции потребовали уменьшить долю серебра в их монетах до такой же, как и у чеканящихся на королевском монетном дворе. А излишек, получаемый с чеканки каждой монеты, отправлять в королевскую казну.

Самое интересное, что после долгих дебатов магистрат Лара-Сара, как и управы других городков, согласились с требованиями короны. Только попросили ввести одного представителя провинции в королевский Совет с правом, в дальнейшем отклонять те новые налоги на Лара-Сар, которые будут им сочтены недостаточно обоснованными. Этаким местный вариант права вето.

По уму, Лексу следовало бы с этим согласиться. Во всяком случае Олег бы на его месте согласился. И потому, что это было, в общем-то, справедливо, и потому, что у королевства было и так проблем, что называется, выше крыши, чтобы получить ещё одну.

Но голова Лекса, похоже, была забита совсем другим – злостью на свою молодую жену, которая в ответ на оказываемое ей пренебрежение изводила короля своей

иронией и шутками в присутствии двора, и грустью от отъезда оставившей его с носом Ули.

Зато Арт ре Вил, командующий армией королевства, влезал активно во все дела и, к сожалению, после одержанных им побед был в авторитете. Его громогласные возмущения наглостью простолюдинов, пытающихся влезть в состав святая святых благородных, в королевский Совет, настроили почти всех членов этого Совета против предложения Лара-Сара.

«Четверть серебра с лигра», – стало девизом поднятого провинцией бунта. Из Лара-Сара изгнали королевского наместника и отказались принимать на всей территории провинции в оплату винорские лигры. Впрочем, об отделении от королевства речи пока не шло, но бесившемуся от личных проблем Лексу и этого оказалось достаточно.

– Теперь вместо того, чтобы взяться за бунтующих владетелей, Лекс будет воевать с городом, который был ему лоялен даже в самые тяжёлые для него времена, – подвёл итог и своим мыслям, и рассказу Торма герцог. – Вот, Торм, оказывается, что бывает, когда правитель думает не головой, а задницей.

– Другим местом он думает, – буркнул Торм. – Зато мы наши баталии опробуем. Правда, там дел для них не будет.

Олег понял, о чём говорит начальник штаба его армии. Баталии – это грозная сила в полевом сражении, которое бюргеры вряд ли будут устраивать, а вот при штурмах укреплений баталии ни в чём не лучше обычной пехоты. Даже, может, и хуже из-за своего более тяжёлого вооружения.

– Дела найдутся, – возразил он. – Главное, на этом этапе я хочу оценить новые личные качества вчерашних алкоголиков, тунейдцев и разгильдяев.

Обсудили ещё вопросы снабжения баталий – оставлять своих людей в зависимости от вороватых тыловиков королевской армии герцог не хотел категорически, поэтому и настоял, что выделять деньги на централизованное снабжение не будет, а обеспечит своих солдат своими же тыловыми службами. Главнокомандующий королевской армией хоть и прислал по этому поводу гневное послание, но был вынужден согласиться – свои вассальные обязательства герцог не нарушил ни на йоту. Даже перевыполнил.

– Чек на всякий случай, кроме обоих кавалерийских и одного егерского полка, распорядился перевести на восток герцогства ещё и второй пехотный из Шотела, – доложил Торм, вопросительно глядя на герцога, в курсе ли тот.

– Я знаю, он докладывал, – кивнул Олег. – Подумайте с Чеком, может Волма Ньетера пока перевести на первый егерский на время, пока Рита, ну сам понимаешь. Её заму я не очень доверяю – слишком большой тугодум. Как исполнитель идеален, но вот принимать решения... – Олег поднялся из кресла и с удовольствием потянулся. – Ладно. Я к себе. Насчёт обоза я Гури тряхану.

На улице он стал свидетелем использования его подданными городского общественного транспорта.

Проехавшая мимо него карета конки была забита людьми и сопровождалась взглядами огромного количества зевак, похоже, специально для этого пришедших на проспект и ждущих своей очереди будущих пассажиров.

Олег подумал, что его горожане прямо, как дети. Впору карусели для этих взрослых людей сделать. Благо мест для парков он оставил много и ревностно следил, чтобы Лейн, городской Голова, не вздумал из-за своей мягкотелости уступить давлению какого-нибудь благородного и выделить участок земли в парковой зоне.

Дворец его встречал гулким эхом его же шагов.

Количество благородных, желающих арендовать, а уж тем более получить себе постоянные апартаменты в герцогском дворце, было большое. Вопросы престижа в этом мире были не менее важны, чем в том, где говорили, что понты дороже денег.

Но Олег пока осторожничал – уж слишком не хотелось ему устраивать у себя под боком рассадник интриг, склок, сплетен и дуэлей. Хотя понимал, что рано или поздно ему придётся на это пойти. Не только потому, что так принято, но и потому, что лучше пусть интригуют под его приглядом и присмотром тайной стражи, чем плетут заговоры у себя в замках.

Так и получилось, что из его соратников постоянно проживал во дворце только верный Клейн. Но ему и по должности министра Двора так было положено.

Даже Уля, у которой во дворце были свои апартаменты по размерам, пожалуй, не меньше герцогских, и та предпочитала ночевать у себя в особняке. Или у Нечая, естественно.

И дело не в том, что ей дворец не нравился. Наоборот, как и всех других, он приводил её в полный восторг. Но она очень неуютно себя чувствовала даже в своей огромной спальне с высокими потолками.

И в чём-то Олег свою сестру, выросшую в камерке не больше, чем у папы Карло, да ещё деля её с двумя подругами, понимал.

– Господин герцог, рада вас приветствовать, – склонилась перед ним лейтенант Нирма, одетая в платье старшей горничной.

К её появлению на дворцовой службе лично Олег не имел прямого отношения. Как-то эта лиса Патрикеевна сумела убедить своего шефа, полковника Агрия, что она лучше других справится тут с обязанностями агента под прикрытием.

Внешний периметр дворца охранялся гвардией – Псковский полк каждые сутки выделял в караул один взвод. Дворцовый парк патрулировали два десятка стражников столичной комендатуры, лично назначаемых Бором. А вот внутри дворца безопасность обеспечивали агенты тайной стражи полковника Нечая и разведки полковника Агрия. Часть этих агентов работала под прикрытием. Впрочем, конспирация в этом мире была пока только в зачаточном состоянии, поэтому всех этих тайных агентов те, кто в теме, знали хорошо.

– Ты что такая радостная? – поинтересовался Олег. – Случилось что?

– Нет, – улыбнулась лейтенант. – Просто рада вас видеть.

После того её доклада в Фестале, когда Олег продемонстрировал ей возможности рабочего стола, Нирма полюбила деловые встречи в рабочем кабинете. Причём ей нравилось докладывать и наклонившись на стол грудью, и ложась на него на спину.

В этот раз она доложила первым способом.

Одной из установленных герцогом традиций стало приглашение на ужин тех его людей, с кем ему нужно было обсудить текущие вопросы.

Сегодня он собирался принять окончательное решение насчёт начала организации добычи и переработки нефти и определиться с комплектованием обозов для снабжения баталий.

Поэтому Клейн сегодня послал приглашения к ужину министрам Армину, Гури и Гелле, генералам Чеку и Торму, а также вызвал полковника Кашицу, возглавляющего инженерное управление армии.

Вместе с министром торговли и снабжения бароном Гури Ленером во дворец прибыла и его жена баронесса Веда.

На ужине она несколько раз бросала злые взгляды на Нирму, руководившую рабынями, подающими еду, но больше занималась тем, что стреляла глазками в герцога.

Глава 4

Дневальный разбудил его, как и положено, за четверть склянки до общего подъёма.

Сержант Ковин проснулся мгновенно, как уже привык за десяток декад, которые он провёл к этому времени в армии. Бывший Малыш Гнус к приходу лейтенанта Песта уже привёл себя в порядок и, встретив своего командира, доложил об отсутствии за ночь происшествий.

– Чувствую, что сегодня наше топтание на месте закончится, – зевнул Пест. – Со вторым десятком разобрался, что они там не поделили между собой?

– Да всё нормально, – махнул рукой сержант. – Там опять близняшки Проглота цепляли. Дувал всех троих палкой отходил. Теперь потише будут.

Ковин был заместителем у Песта, бывшего легионера наёмников Болза, командовавшего теперь полусотней солдат во второй баталии. Иногда, вне строя, они позволяли себе обходиться без лишних формальностей, но старались подчинённым этого не демонстрировать.

– Командуй подъём, – приказал лейтенант.

Вторая баталия расположилась на опушке большой роши в нескольких сотнях шагов от стен небольшого городка, с ходу взятого штурмом ещё три дня назад. В самом городке остались на квартирах только четыре полусотни третьей баталии, а остальные солдаты герцога расположились вокруг него.

Услышав команду «подъём», полусотня мгновенно вскочила и за пару сотен ударов сердца была уже одета и вооружена.

– Выходи строиться! – скомандовал Ковин проснувшимся бойцам.

Общего утреннего построения баталии сегодня, как и все эти дни после штурма, не было. Дождавшись, когда солдаты полусотни встанут в пять ровных шеренг, он доложил лейтенанту.

– Дувал, сегодня твой десяток дежурит, – обратился лейтенант к сержанту, командовавшему вторым десятком, после того, как полусотня дружным рёвом своих глоток его поприветствовала. – И завтра твои дежурят, и послезавтра, и вообще все дни, пока мы тут торчим. Понятно почему или есть вопросы? Но могу обрадовать только, что вряд ли мы тут долго ещё будем отъедаться.

Другие полусотни баталии в это время не менее быстро и бодро, чем и их пятая, приводили себя в порядок после ночного отдыха и готовились к завтраку.

Было у войны, в глазах солдат баталий, и огромное преимущество – закончились изматывающие, непрерывные тренировки под палками сержантов.

Командир бригады полковник Ашер ещё за декаду до похода, когда устроил общий сбор сержантов всех баталий, наморщив лоб, словно вспоминая чьи-то наставления, говорил им: «Запомните, солдат баталий должен бояться палки сержанта больше меча неприятеля».

И эти его слова не были пустым звуком. Впрочем, зря тут никого не били. Но и снисхождения тоже не делали. Видимо, хорошо понимали, каких людей набрали в баталию, и не испытывали к ним особой жалости.

Бывший уголовник Малыш Гнус, как ни странно, в таких армейских порядках прижился. Ему вдруг стало проще. Говорят идти – идёшь, говорят стоять – стоишь. Думать не надо, всё за тебя уже продумали. Когда придёт время – покормят, уложат спать. Одет, обут и даже при деньгах. Правда, в баталиях платили почти в три раза меньше, чем в пехоте. Но, по слухам, которые не опровергали и командиры, после похода денежное довольствие в баталиях уравнивают с пехотным, а, может, даже и с егерским.

Характер у Малыша был лидерский, и это заметили. К тому же он ловко научился работать копьём и алебардой, был подвижен и вынослив.

Когда сержант первого десятка попался на продаже на сторону имущества полусотни, то вместо него, забитого палками до смерти, должность сержанта предложили Ковину – имя, полученное от рождения он себе давно вернул, оставив Гнуса в прошлой жизни. А перед самым походом его назначили первым сержантом – заместителем командира полусотни.

– К нашей и третьей баталии присоединятся по десятку ниндзя, в первой они и так были, – сказал ему Пест, вернувшись с утреннего совещания у майора Товбиса, командира их второй баталии. – Расположатся рядом с нашей полусотней, вон там, – он показал рукой на другой берег ручья – Пошли туда десяток, пусть подготовят им дров хотя бы. И распорядись, чтобы обед сегодня рассчитали на шестьдесят человек. И да, сам всё лично проконтролируй. Меня командир в третью баталию отправляет за списком трофеев.

Проводив командира, Ковин пошёл в хозвзвод, приданный их баталии на всё время похода. Вообще, в бригаде – для легиона их было слишком мало – кроме трёх баталий по пятьсот с небольшим человек в десять полусотен каждая, имелась и своя хозрота, каждый из трёх взводов которой на время похода был закреплён за конкретной баталией. Была в составе бригады ещё и кавалерийская рота, выполнявшая роль передового дозора и служившая для разведки.

Первому сержанту полусотни не обязательно было самому тащиться в хозвзвод, мог бы и кого-нибудь послать. Но он не хотел упускать повода увидеться с Аглендой, своей давней подругой, так же, как и он сам, попавшей в облаву в Промзоне и оказавшейся, пусть и не в строю баталии, но в армии. Была ли между ними любовь, он не знал, но то, что эта девчонка ему дорога, он понял ещё в своей прошлой пропащей жизни.

Свои отношения они старались не афишировать. Нет, запрет на шуры-муры действовал только во время походов – на зимних квартирах близкие встречи не возбранялись, к тому же секрет высушенного и перетёртого корня валерния, надёжно предотвращающего от нежелательной беременности, и при этом без дальнейших неприятных последствий, был широко известен на всей Тарпеции.

Просто ни Ковин, ни Агленда не хотели выставлять на всеобщее обозрение свои чувства.

– Отдых закончился давно, – смеялась Агленда, нарезаая свиную вырезку на мелкие кусочки – Ещё в герцогстве.

Девушка довольно забавно смотрелась в лёгком кожаном доспехе с белым фартуком поверх него.

Ковин, в шутку задавший вопрос, не устали ли они в хозвзводе от пересыпа, понял про что она говорит.

Пока бригада шла по территории герцогства, у тыловой службы работы не было вообще – силами городских и поселковых рабов на всех местах привалов заранее были приготовлены обеды и даже сколочены простенькие, но надёжные столы с лавками – полевые кухни баталий даже не разжигались, а на местах ночёвок были готовы палатки, так что и спальные мешки солдатами не разворачивались. А уж про качество дорог и говорить нечего – бригада прошла сквозь почти всё герцогство за семь дней.

Но как только земли Сфорца остались позади, тут работа навалилась всем. В первую очередь, конечно, приданной бригаде инженерной роте, но и хозроте больше отдыхать почти не приходилось.

– Что, сильно выматываешься? – сочувственно спросил он давнюю подругу.

– Привыкла давно, Ковин, – Агленда сложила порезанное мясо в стоящий рядом большой котелок и достала очередной кусок свинины. – Хотя, конечно, Пулий мог бы на время похода не тиранить нас тренировками стрельбы из арбалета. Вон он идёт, – она посмотрела в сторону загона, откуда приближался её сержант. – Я скучаю по тебе, Ковин, приходи, как будет время.

– Обязательно, – пообещал он и пошёл навстречу командиру хоззвода.

Конная сотня бригады хорошо справлялась с разведкой местности, но вот проследить за врагом, проникнуть в его укреплённый лагерь или город, утащить оттуда пленного – такие задачи решались специально обученными людьми. Их называли ниндзя и, по – слухам, иногда с ними занимался сам герцог, передавая им тайны удивительных знаний далёких земель.

Прибытие, помимо приданного бригаде ранее десятка ниндзя, ещё двух наводило Ковина на мысль, что их топтание на юге Сарской провинции подходит к концу и, видимо, что-то намечается.

– Тупица!

– Гнус!

– Я не Гнус, – машинально поправил Ковин.

– А я не Тупица. Привет, Малыш. Ого, смотрю и глазам своим не верю. Ты уже первый сержант? – смеялась Лолита, открывая объятия своему бывшему знакомому, с которым вместе служили бандиту Кастету: один – в качестве вора, другая – рабыней-гладиаторшей.

Вместе с десятком ниндзя, которым Ковин пришёл показать их подготовленное место расположения, одетых в свою обычную неброскую пятнистую форму, приехала и высокая красивая женщина в лёгких кавалерийских доспехах, в которой бывший вор с изумлением узнал свою бывшую сокамерницу.

Дураком он никогда не был, соображал всегда быстро, поэтому во время объятий с Лолитой, которой он искренне обрадовался, сам не зная почему – друзьями они никогда не были, бросив внимательный взгляд на ниндзя, тут же

зацепился им за рыжеватую, веснушчатую, с двумя косичками девушку-ниндзя.

Он уже хорошо знал про её мастерство маскировки, поэтому процесс узнавания был практически мгновенным.

Графиня ри Шотел тоже быстро поняла, что узнана.

– Кому сболтнёшь – прикажу язык вырезать, – с улыбкой, вроде бы в шутку, сказала она, подойдя к ним с Лолитой. Но глаза у неё при этом смотрели вполне серьёзно.

Несмотря на её угрожающие слова, Ковин почувствовал вдруг огромное облегчение.

Прибытие к ним самой графини означало, что герцог не бросил своих людей, вопреки частому нытью многих в баталии о том, что они для герцога ненужный мусор, от которого очистили города и теперь бросили на убой.

О магической мощи Ули ри Шотел ходили легенды. Даже в их полусотне были те, кто лично видел, как графиня оживляла мёртвых. Он, конечно, не сильно таким байкам верил, но сам на себе имел возможность почувствовать прикосновение её магии.

А уж доказательствами магической силы графини было наполнено почти всё герцогство – одни только участки дорог из магического мрамора там, где раньше буквально тонули по колена, чего стоили.

– Он никому не скажет, госпожа, – всё также смеясь и обнимая его за плечи пообещала Лолита. – Так ведь, Малыш?

– Ковин, – улыбнулся он, понимая, что кланяться графине сейчас не нужно. – Меня зовут Ковин. И я навсегда предан вам, госпожа.

– Я запомню, Ковин, – её ответная улыбка была искренней. – И это твоё имя мне нравится больше, чем прежде.

Причины, по которым графиня решила скрывать своё пребывание в королевской армии, первого сержанта мало касались. Но если она хочет, чтобы он молчал, он будет молчать. И вовсе не из-за страха.

Разносолами солдат не баловали, но большие порции сытной мясной каши они получали. Кроме каши и хлеба, на обед выдавались и овощи, какие на тот момент были в наличии, и разбавленный сидр.

Ковин, став первым сержантом, вместо сидра пил вино, правда, тоже разбавленное, в палатке и в компании своего лейтенанта.

Пест был мрачен, несмотря на то, что и на долю их баталии, практически не принимавшей участия в штурме – всё решилось мощным натиском первой баталии при поддержке бригадных магов – досталось немало добра, которое сейчас вывозилось конфискованными телегами из городка, и конфискованными же рабами отправлялось на продажу в Брог, самый восточный город герцогства.

– Что-то случилось? – поинтересовался Ковин.

– Пока ещё не случилось, но совсем скоро случится. Суки! – зло процедил лейтенант.

Пест от майора Товбиса, командира их баталии, узнал последние новости, и они не привели его в восторг.

Лара-Сар, находящийся в осаде королевской армии уже две декады, сумел нанять четыре полка наёмников, чтобы те нападали на тылы осаждающих, мешая подвозу продовольствия. Понятно, что без потворства, а, скорее, и без прямого участия Саарона тут не обошлось, но прямых доказательств этого не было.

Герцог Арт ре Вил, узнав о скорых возможных диверсиях в своих тылах, не пожелал снимать войска с осады Лара-Сара и других, ещё не взятых, городов провинции.

Вместо этого он прислал гонца к полковнику Ашеру с требованием выдвинуть бригаду к границе с Саароном, навстречу наёмникам, и сдерживать их

наступление, пока сам ре Вил не решит вопрос со взятием Лара-Сара.

Злость своего командира Ковин разделял, а вот его возмущения не понимал. Можно, конечно, злиться, что герцог фактически бросает баталии на убой, но возмущаться этим, как казалось первому сержанту, глупо – ещё когда он был членом различных банд, и у Кастета, и до него, любой главарь берёт своих ближников, бросая на самые опасные дела недавно прибывших к банде или членов другой банды, прибывших на совместное дело.

Третья баталия всё ещё продолжала добирать и отправлять оставшиеся в городке трофеи и должна была выступить вслед за ними через несколько склянок. Первая – пошла по дороге на Лара-Сар и только через пять-шесть лиг должна была повернуть к границе с Саароном.

Их же баталия с самого утра двинулась к Вейнагу, крепости мятежников, где ожидался сбор наёмных полков. С первой баталией они должны были соединиться за пятнадцать лиг перед крепостью. Тогда же их догонит и третья.

Вещи и имущество были собраны заранее, поэтому с утра оставалось только позавтракать.

– Слышь, Ковин, народ говорит, что нам скоро крышка, – Собику сегодня досталось управлять одной из шести телег их полусотни, что он и делал, с наслаждением сидя на узкой скамеечке. – Бросают, говорят, нас в бой против уймы врагов.

Как бы офицеры ни старались замалчивать цель их очередного похода, в солдатские массы это всё равно просочилось и посеяло уныние.

– Не бойся, Собики, всё будет у нас хорошо, – успокаивающе сказал Ковин единственному члену своей бывшей банды.

Собик за декады, проведённые в баталии, стал ещё сильнее и крепче, но его характер так и остался слабым. Впрочем, Ковин своего приятеля не бросал и старался помочь.

Понятно, что он не стал ему озвучивать причину своей уверенности в небезнадёжности их положения. Эта причина, кстати, недавно промчалась мимо них, в сторону головы колонны, с отрядом ниндзя.

Шли не так быстро – дорог, как в герцогстве, тут нигде не было, но всё же взяв достаточно высокий темп.

То, что в попавшейся им по дороге деревне уже побывали королевские войска, они поняли ещё до того, как в неё вошли. По длинному ряду виселиц, стоявшему вдоль всей единственной улицы.

– Я понимаю. Изменники. Но бабы-то тут при чём? – сплюнул на землю Дувал, командир второго десятка, когда они проходили мимо одной из виселиц, на которой была повешена какая-то тётка, по исказившемуся лицу которой было невозможно угадать даже возраст.

– Поди сама кинулась на солдат, вот и получила, – высказал свою мысль Проглот, солдат из десятка сержанта Дувала. – Интересно, тут всё выгребли? Может молочка спросить? Вон там кто-то выглядывает, прячется.

– Тебе бы всё жрать, – вызверился сержант. – Иди молча, а то, как рот открываешь, так из него слюна льётся.

До вечера миновали ещё три деревни с попрятавшимися жителями. Судя по отсутствию следов королевского правосудия, сюда армия ещё не добралась.

Баталия в деревнях не останавливалась и грабежами не занималась. Категорический запрет на грабежи и мародёрство был установлен самим герцогом ре Сфорцем. Полковник Ашер и майор Товбис лишь напоминали об этом запрете и о том, какое наказание ждёт нарушившего этот запрет.

На ночёвку остановились возле небольшой речки, сначала перейдя её вброд.

А с утра, перед началом движения, майор Товбис построил всю баталию.

– Позор! – кричал он, багровея от натуги. – Я никогда не думал, что среди нас найдутся такие трусы! Столько сил наш добрый герцог потратил на то, чтобы

сделать из свиней хоть что-то, напоминающее людей – и вот результат!

Перед строем баталии стояли двое солдат из седьмой полусотни, пытавшихся ночью дезертировать, но пойманные патрулём.

– Не будет пощады таким трусам! – продолжал распалившийся комбат. – Трус хуже, чем враг. Сержант Резик, выдать им то, что они заслужили!

Из-за необходимости продолжить марш суд и расправу затягивать не стали. Резик, первый сержант восьмой полусотни, выполняющий заодно и обязанности батального палача, толстой железной палкой сильными ударами перебил дезертирам кости ног в нескольких местах и руки в локтях. После чего изувеченных, воющих от дикой боли бедолаг бросили в грязную лужу, мимо которой баталия пошла к месту своего первого боевого крещения.

Глава 5

– Мой герцог не уделит своей рабыне даже толику внимания? – Веда, опустившись рядом с креслом на колени, пыталась дотянуться и погладить рукой Олегу между ног.

В его кабинет она вошла с подносом, на котором стояла открытая бутылка дорогого синезийского вина, два бокала и ваза с фруктами.

– Веда, я хочу поработать, отстань, – отвёл её руку Олег. – Мне кажется, мы и ночью достаточно внимания друг другу уделили. Давай вставай, – он слегка потянул её за руку вверх. – Кстати, пить с самого утра, до завтрака, не следует. Нет, от алкоголизма, если потребуется, я тебя, конечно, исцелю, но ты же баронесса, ты не должна себя так вести.

Веда его призыв проигнорировала, положила свою голову ему на колени и стала наигранно жалобно смотреть ему в глаза.

Олег тяжело вздохнул.

Четыре дня назад Гури уехал в Бруг, чтобы лично проконтролировать открытие там постоянно действующей ярмарки, через которую решили запустить всю оптовую торговлю товарами герцогства в восточном направлении, и Веда сразу же практически поселилась во дворце.

Олег был рад иногда с ней проводить время, но её постоянное присутствие уже понемногу начинало его утомлять. Особенно в такие вот рабочие моменты, когда она его отвлекала.

Он расстроено посмотрел на лежащий перед ним девственно чистый лист бумаги, на котором, по идее, должен был появиться чертёж нефтеперегонной колонны или куба, но пока Олег не знал даже, что из них выбрать.

Общие принципы переработки нефти он знал – там не было чего-то сложного, но не зря ведь говорили, что дьявол скрывается в деталях.

– Олег, а когда ты уже будешь делить апартаменты во дворце? – поняв, что от герцога в этот раз ласк не дождёшься, баронесса предложила ему свою рабочую повестку вместо нефтеперегонки.

Наглости баронессы Веды Ленер не хватило только, чтобы потеснить саму графиню ри Шотел, но на то, чтобы присмотреть себе апартаменты ближе к герцогским, чем даже достались бы Паленам: Чеку и Гортензии, на это она легко претендовала, ссылаясь на то, что её муж тоже министр, и не из последних, а она сама – самая первая любовница герцога, уверенно намекая при этом на то, что и самая лучшая. Олег её заблуждений не стал развеивать, но на её претензии ответил довольно грубовато: «А у тебя личико не треснет, Веда? В тех апартаментах будут жить Чек с Гортензией. А ты будь скромнее. И, вообще, с этим – потом».

Видимо, Веда решила, что это «потом» уже наступило. И это её решение подсказало ему, куда сейчас перенаправить её энергию.

– Ты вот что, Веда, – сказал он, – возьми сейчас у Клейна список всех, кто настойчиво изъявляет желание поселиться во дворце, учти всех моих министров, начальников служб – ну там разведки, контрразведки, комендантской – поняла? – И Шереза не забудь – всё же командир гвардии, и прикинь, кого где разместить. И с этими предложениями потом ко мне. Декады тебе хватит?

По тому, как загорелись её глаза, Олег понял, что Веда уже забыла про своё желание его совратить и сейчас активно просчитывает варианты, кого приблизить, а кого задвинуть. Мешать ей в этом Олег не стал, к тому же они с Клейном уже различные варианты продумали. Но и Веда пусть поработает, может, что дельное предложит.

Отложив в сторону так и не исчерченный лист, он вместе с подругой отправился завтракать. На сегодня у него были ещё дела, а нефтянка подождёт до вечера.

С Нечаем он встретился в закрытом диким парком здании тайной стражи.

– Мог бы и сам додуматься не таскать сюда всех подряд, – попенял герцог своему главному контрразведчику. – Вот что теперь с ними делать станешь? Или твоё дело наломать дров, а герцог пусть придумывает, как из всего этого выходить?

У службы Нечая были тайные явки во всех городах и крупных поселениях герцогства, кроме самого Пскова – Нечай посчитал, что здесь и главного здания службы будет достаточно. Но всех подозреваемых в шпионаже или каких-то иных вредительских действиях, по его приказу зачем-то всегда тащили в официальные штабы тайной стражи.

Так поступили и с прибывшими якобы из Фларгии, королевства на западном берегу Ирменя, купцом и двумя его охранниками, проколовшимися на том, что задавали вопросы, меньше всего относящиеся к торговле, а больше – о графине ри Шотел.

После того, как над ними поработали нечаевские костоломы, купец, который и правда был купцом, но только, как выяснилось, из Фестала, и оба его псевдоохранника, которые на самом деле были десятниками одного из егерских пограничных полков Винора, полностью, что называется, раскололись.

Да, они тут шпионили. Цель – собрать как можно больше сведений о графине ри Шотел, вплоть до того, какую еду она предпочитает. Зачем и кому это было нужно, допрашиваемые не знали.

Задачу получили от генерала ри Астонга, бывшего командующего королевской армией. После понесённых им поражений от командования армией его отстранили, но из доверия короля Лекса и его окружения он не вышел.

Ни Олег, ни Нечай не сомневались, кто на самом деле стоял за подсылом этих горе-шпионов, и зачем это было нужно. И служат эти шпионы сюзеру герцога ре Сфорца, и ничего плохого не злоумышляли. Но после того, как из них все эти никчёмные сведения выдавили, они были в таком состоянии, что смотреть было страшно.

– Если бы Уля сейчас... графиня бы не уехала, она бы исцелила, – Нечай был расстроен, понимая недовольство своего герцога.

– И что дальше? – иронично спросил Олег. – Просто так отпустить, высветив и твою службу, и нашу теперь осведомлённость? А догадаться без моей подсказки схваченных допрашивать под видом каких-нибудь бандитов и профессионально? Трудно было у Бора попросить нуриевских специалистов, а не использовать своих костоломов?

Увидев, как замкнулся Нечай, Олег вспомнил о непростых отношениях как между Нечаем и Бором, так и между тайной и комендантской службами, возникших почти с первых дней самого существования этих служб.

– Ладно, – Олег поднялся из кресла, – пошли. Я их исцелю. Но дел ты наворотил. Надеюсь, сам понимаешь.

– Так может, дорезать их и прикопать? – буркнул Нечай, искоса поглядывая на своего шефа.

– Ты что, Нечай? Сбрэндил, что ли? – Олег остановился и пристально посмотрел на тут же смутившегося и растерявшегося барона – Никогда больше мне не предлагай убивать людей моего сюзерена, если ни он сам, ни его люди против меня не злоумышляли. Это понятно?

По-честному, у Олега и у самого мелькала мысль избавиться от неудачливых шпионов – очень уж ему не хотелось светить сам факт существования у него такой службы. Но его останавливало не только нежелание лишней раз запачкаться плохим поступком, но и нежелание давать своим людям

неправильные морально-нравственные ориентиры.

А относиться к своему сюзеру неуважительно, значит, ставить маркер своим вассалам, что такое, в принципе, возможно.

Понятно, что все его люди привязаны к нему крепко своими интересами. И, главное, не только и не столько финансовыми, сколько интересами своего здоровья и будущего долголетия – с таких крючков сложно соскочить.

Вот только не одними лишь потребностями тела человек живёт. Над этим можно смеяться сколько угодно, но им движут не только шкурные интересы, но и мораль.

Нет, в тяжёлых ситуациях, степень тяжести которых определяется порой каждым персонально, подавляющее большинство людей может пожертвовать моралью. Но они хотя бы будут понимать, что совершают плохой поступок, и могут от него отказаться в последний момент или, раскаявшись, попытаться исправить его последствия.

– В общем, извиняться не нужно, естественно, – сказал Олег, вернувшись из подземелья, где исцелил всех троих лексовских шпионов. – Пугать тоже теперь не имеет смысла – после того, что я увидел, им и так будет страшно. Им откроешь тайну, что исцелила их та, сведения о которой они собирали. Скажешь, пожалела дураков. Так, глядишь, и польза от них будет – не только будут графине благодарны, но и сами будут пребывать в уверенности, и короля убедят, что Уля сейчас в Пскове. И дай им пинка под зад. Это я образно, надеюсь, понимаешь. Пусть сегодня же уматывают отсюда со всей возможной скоростью.

Подниматься опять в кабинет начальника тайной стражи Олег не стал, направившись к выходу.

– Всё понял, господин, – покаянно опустил голову Нечай. – Сделаем всё в точности. А с Пражиком что?

– С ним я сам разберусь.

Олег вышел на крыльцо, где при его появлении остановились и вытянулись двое дежуривших на улице у входа ниндзя. Один из них, кажется, Вольмиг, слабый маг, был из тех первых учеников, кого искусству ассасинов он, почти целиком весь курс, обучал лично.

- Как дела, ученик? - с улыбкой спросил его Олег.

- Всё хорошо, господин, - низко поклонился ниндзя, польщённый тем, что сам герцог его помнит и узнал.

- Не бросай тренировки, у тебя всегда хорошо получалось, - сказал Олег, подсаживаясь в седло с помощью Нечая лично.

- Конечно, господин! Всякую свободную склянку на это тратим, - с радостью доложил ниндзя.

Олег и так это знал, но погладить своих людей никогда лишним не будет. Он и сейчас по восторженному виду бойца видел, что поступает правильно. Да и второй ниндзя, что называется, проникся.

Конка продолжала вызывать интерес и восторги жителей города и его гостей. Олег ещё раз порадовался, что не пошёл в своё время на поводу своих сомнений. А сомнения были.

Он вспомнил, как в его родном городе, ещё в прошлой жизни, разбирали многие трамвайные пути ради расширения проезжей части для автомобилей. Но потом всё же решил, что конка почти полвека верой и правдой служила нуждам городских хозяйств во всех значимых городах мира, и не ушла бесследно с появлением электричества, заменив, по сути, только движитель.

К тому же каучуковых деревьев Олег здесь не наблюдал, о процессе вулканизации представления вообще не имел - только слышал, что с его помощью получают резину. А сами местные дойдут до резиновых колёс только через века.

Так что радость людей от возможности за маленькие деньги плавно прокатиться из одного конца города в другой была понятна.

Возле министерств к герцогу и его маленькой свите из четырёх охранников-гвардейцев, больше нужных для солидности, чем для обеспечения безопасности, присоединился Клейн, которого он посылал к Армину за деньгами на Неровский мост.

Пражик, сволочь, ненасытная скотина, был верен герцогу с первой их встречи. Об измене и не помышлял. Но не стащить ничего из выделенных Олегом на ремонт и расширение городских улиц, у бывшего мэра, ставшего городским Головой Нерова, оказалось выше его сил.

И сделал-то всё абсолютно тупо – на выделенные деньги купил материалов с явным излишком. Что и привлекло внимание людей Нечая. А уж проследить, что закупаемые излишки прямиком отправляются на загородную виллу Головы, где его рабы начали мостить брусчаткой все дорожки, перекрывать крышу новой черепицей и строить большой гостевой дом рядом с особняком, было делом пары склянок времени.

Олег легко привыкал к людям, к тому же Пражик его до этого ни разу не подводил и много раз был полезен. Да и сейчас, чего греха таить, гораздо более полезен, чем тот же Лейн, друг детства Ингара, которого всё время приходится поправлять и спасать от расправы со стороны вспыльчивой баронессы Геллы Хорнер. Иногда даже думалось, что лучше бы подворовывал, но эффективней следил за городским хозяйством.

– Пошли гонца в Неров. Пусть городской Голова явится пред мои светлы очи, – сказал он Клейну, когда они уже подъезжали к дворцу.

Была у Олега мысль организовать в герцогстве телеграф, но пока отложил этот вопрос на потом. Вот и приходилось обходиться гонцами и почтой – благо, что фельдъегерская связь и почта у него теперь работали так, что действительно можно было гордиться.

Нет, понятно, что телеграф он хотел строить не тот, современный, что был в его время, а тот, про который он прочитал в книге о графе Монте-Кристо, когда телеграфные посты, расположенные в прямой видимости друг от друга, в установленное время передают сигналы, которые просто повторяют друг за другом. Детализацию он не знал, но не сомневался, что сделать это будет не трудно. Достаточно, как и обычно, подкинуть идею исполнителям и

мотивировать их на успешную работу в заданном направлении.

Олег вообще старался прогрессорствовать в тех направлениях, где здешние люди и сами были уже готовы это воспринять.

Он много размышлял о том, что и в его родном мире подавляющее большинство новшеств могло появиться намного, может, даже на века раньше, чем это произошло в реальности.

Просто люди не знали долгое время насчёт многих открытий, что так можно делать и что это вообще нужно.

Нет, Олег не ставил себе каких-то дурацких ограничений, вроде того, что «этот мир ещё не созрел». И не ленился при необходимости всё делать сам. Тут, скорее, он руководствовался здравым смыслом.

Какой резон сделать, к примеру, трактор, если нет тракториста? Самому за рычаги садиться? Научить? Ну, допустим, научил он тракториста, а если трактор сломается? Герцогу его чинить?

Как ни прокручивал Олег разные варианты, но прежде чем прогрессорствовать в тех областях, в которых этот мир ещё не созрел, необходимо создавать соответствующие школы. Но не такие, какую он создал в Пскове – у неё совсем другая задача, а научно-производственные вроде той, химической, что сейчас активно развивается в Распиле под руководством бывшего отравителя Ринга.

– В Неров гонца послал, как вы и распорядились, – не вовремя явился с докладом Клейн – Олег уже собирался идти в ванную комнату. – Но и к нам опять гонец. И снова от короля. Только на этот раз лично к вам.

Как бы Олег ни рассуждал про себя красиво о морали, но сам поступил, с этой точки зрения, некрасиво.

Две с лишним декады назад он прочитал письмо, которое сюзерен прислал его сестре. Единственное оправдание, которое он себе придумал, было то, что Уля уже отъехала на войну, а в письме могло быть что-то срочное и важное. Хотя, конечно же, Олег догадывался, что в этом письме будет. И в своих

предположениях не ошибся.

До высокопарного стиля эпохи Возрождения его родного мира тут было, как до Китая. Олег расценил бы написанное собственноручно Лексом письмо, как придуманное первоклашкой, влюбившимся в соседку по парте – настолько наивно. Прямо до слёз.

Он бы посмеялся, если бы не понимал, какими ненужными проблемами это может в дальнейшем обернуться. И ведь Лекс реально, как иногда в таких случаях выражались, втрескался по самые уши. И дело, как догадывался Олег, не только в Улиной красоте – его сестрёнка, бесспорно, красива, но и в том, что этот взрослый уже совсем мальчик, похоже, первый раз столкнулся с игнорированием своих любовных желаний. Такой удар для него!

«Твои прекрасные, как белоснежный снег, волосы», – вспомнил Олег и хохотнул под недоумённым взглядом Клейна.

Да Уля же меняет цвет волос чуть ли не каждую декаду! Сама на это дело под села и посадила на перекраску волос сначала женщин баронов – их жён, дочерей, сестёр, матерей, а затем остальные женщины и девушки попроще подтянулись.

Олег не успевал платить своим офицерам, чиновникам, мастерам и прочим, как деньги обратным потоком шли к нему от их жён за краску для волос, духи, косметику и разные сорта мазей и кремов.

Олег сестру в этих изменениях внешности не ограничивал. Чем бы дитё, что называется, не тешилось. К тому же ему было её иногда жалко – настолько она была загружена делами герцогства. Так что какие-то отдушины для неё должны были быть. Не всё же ей с утра до вечера магичить. Или, как теперь вот, воевать.

Ему было тревожно отпускать Улю на войну, пусть и под охраной самого лучшего десятка ниндзя, но и бросить своих людей без магического прикрытия он не мог.

Он бы и сам туда отправился, но к нему на днях должны были приехать послы помирившихся на почве желания поделить Аргон королевств Бирман и Герония.

– Давай сюда письмо, – протянул он руку за свитком. – Заметил, Клейн, как бумага наша стала востребована? Ну-с, – протянул он, разворачивая свиток, – что мне хочет передать мой король?

«Как-то там сейчас моя девочка?» – подумал он при этом.

Глава 6

По мере того, как баталии продвигались к Вейнагу, рощи стали встречаться чаще и становились всё гуще, пока не слились в один большой лес, разрывааемый иногда просторными полянами. Если бы вместо лиственных деревьев тут росла сосна, Уля решила бы, что они вернулись к себе в герцогство.

Лейтенант Герда, командир их десятка, вернулась из штаба бригады хмурая.

– Случилось что? – спросил у неё Ушор, её неформальный заместитель.

– В том-то и дело, что ничего не поменялось, – расстроено произнесла лейтенант, присаживаясь к костру и беря из рук Ушора флягу с водой.

Ещё когда только организовывались отряды ниндзя, что в разведке Агрива, что в контрразведке Нечая, Олег установил их статус выше армейского. Рядовой ниндзя получал, как армейский первый сержант, а командир десятка, имея звание лейтенанта, получал, как армейский капитан.

Поскольку набирались эти отряды из молодых парней и девушек, а иногда и вовсе из мальчишек и девчонок, то порой никакого иного применения получаемым деньгам, чем заказ и покупка всякого нештатного вооружения, они и придумать себе не могли – жили-то они, как говорится, на всём готовом.

Вот и сейчас Уля разглядела на поясе лейтенанта совершенно миниатюрный арбалет, явно сделанный по особому заказу.

– Это по подсказке вашего брата, госпожа, сделано, – заметив взгляд графини, Герда протянула ей арбалетик.

– Я – Уля, Герда, даже в отсутствии посторонних. Сколько раз можно повторять? И ты мой командир. – Уля взяла в руки протянутую ей опасную игрушку. – Так что, так и продолжаем стоять?

– Бригада – да, мы – нет, – ответила лейтенант. – Кавалерийская сотня вся занята патрулированием окрестностей, и непонятно, то ли она охраняет бригаду от неприятеля, то ли караулит, чтобы дезертирство не началось.

– Всё так плохо? – удивилась графиня.

– Да нет, перестраховываются. После того случая, – лейтенант вернула флягу Ушору. – Но настроения в баталиях, госпожа... Уля, и правда не на высоте.

Уля догадывалась о причинах. Тут, кроме понимания солдатами, что их бросили, по сути, на убой, только чтобы дать королевской армии успеть взять хотя бы Лара-Тор – заречную часть Лара-Сара – небольшой укрепленный район на другом от основной части города берегу реки Лары, было и просочившиеся в солдатские массы известия о продолжающемся и даже разгорающемся всё больше конфликте между их командиром полковником Ашером и королевским уполномоченным представителем – полковником Олни ри Зендом, графом из личного окружения самого короля.

– Так мы-то десятком куда двинем? – задал вопрос Ушор. – К Вейнагу или к ближайшей границе с Саароном?

Герда коротко и зло рассмеялась.

– Ты не поверишь, но должны туда и туда. Ашер отправляет к Вейнагу, чтобы в том направлении всё разведали, а красавчик требует к Саарону – да ещё и королевским трибуналом грозит за неисполнение его приказов.

Двоевластие в бригаде началось, когда в момент соединения батальев, шедших до этого разными колоннами, возле опустевшего села к ним прибыла кавалькада всадников, среди которых оказался и граф ри Зенд, сразу же заявивший, что прибыл к ним по личному приказу короля и его распоряжения должны исполняться безусловно.

И всё бы ничего, Ашер мог бы и смириться, если бы распоряжения, которые начал отдавать этот королевский представитель, не шли вразрез с теми указаниями, которые полковник получил в письменном виде от командующего армией Арта ре Вила.

Уля помнила ри Зенда ещё по королевскому балу, где этот и в самом деле красивый статный мужчина был в длинном ряду тех, кто пытался ухаживать за ней. Правда, этот тридцатилетний придворный интриган, заметив, а это заметили тогда все, отношение к ней Лекса, быстро ушёл в тень своего сюзерена.

А здесь-то и вообще, увидев отряд ниндзя, просто и неброско одетых молодых людей, граф взглядом обдал их презрением, даже не узнав в рыженькой, с двумя уложенными на голове косичками, девушке-егере ту, которой меньше полугода назад пытался признаваться в любви, а, вернее, и вовсе не обратив на неё внимания – мало ли всяких простолюдинок мимо него шляется. Гнида благородная.

– Так что решила-то? – уточнила у лейтенанта Уля. – На меня не смотри – здесь ты командуешь.

– Тогда раз я, то выдвинемся к Вейнагу коротким путём, – решительно ответила Герда. – Полковник Агрий посылал нас в помощь Ашеру. А красавчик, если хочет, пусть потом вашему брату жалуется. Нам он никто.

Десяток ниндзя, в числе которых была и Уля, и её охранница Лолита располагались возле небольшого овражка, рядом с которым нашлось место для небольшого выпаса одиннадцати верховых и трёх вьючных лошадей.

Пообедали тем, что им, как и раньше, принесли из хоззвода, прикрепленного ко второй баталии, и тронулись в путь, объехав стороной шатры командования, чтобы не светиться перед королевским уполномоченным.

Уля, почти сразу после отъезда из лагеря бригады, сформировала и наплатала конструктор заклинания Поиск Жизни. Масштабной битвы в ближайшие сутки не намечалось, поэтому экономить на энергии не стала, и легко теперь могла определять наличие людей или иных крупных живых существ на расстоянии не менее полулиги.

– Полковник просил захватить пленного, хотя бы сержанта в звании – не ниже, – поделилась лейтенант с графиней. – Только он сказал, пока дальше, чем на день пути, от них не отрываться. Он думает завтра продолжить движение, как ему и было предписано, а граф пусть потом с ре Вилом разбирается.

К вечеру они выехали из леса, вновь оказавшись на открытой местности, и подъехали к подгнившему мосту через небольшую речку, скорее даже, большой ручей. Съехав сразу после моста с дороги, принялись обустроить себе место для ночлега. Тут-то в магическом зрении Ули и появилась большая колонна людей и животных,двигающаяся им навстречу.

– Привал пока отменяется, – скомандовала Герда, как только узнала от графини о приближающихся людях. – Лолита, отводи лошадей в лес, в сторону подальше, остальным приготовиться. Пойдём по левой стороне, тут кустарника больше. Там вон ещё овражек есть.

– Я госпожу не оставлю, – твёрдо сказала охранница.

– Разумеется, – согласилась с ней Герда. – Госпожа остаётся с тобой.

Уля хотела было возмутиться, но, наткнувшись на делано безразличный взгляд лейтенанта, выдохнула и согласилась – сама назначила себя подчинённой, да и понимала, что для постоянно тренирующихся ассасинским навыкам ниндзя она будет, скорее, обузой, хотя и сама иногда тренировалась. Но одно дело временами тренироваться, а другое дело – постоянно жить с этим.

В подтверждение этим её мыслям девятка ниндзя словно растворилась в воздухе, не успела Уля со своей охранницей отъехать и на десяток шагов.

– Почти половина полка дезертировала ещё в первые дни, как только из Лара-Сара пришли известия, – рассказывал Нойм, ещё довольно молодой, но уже поседевший капитан пограничного егерского полка. – И ладно бы просто сбежали, так они ещё и переметнулись служить бунтовщикам. А полковник не раз докладывал в Фестал, что не нужно местных в таких количествах набирать. Ну или отправляли бы их служить на западную границу, или на север.

Уля находилась чуть в стороне от костра, возле которого сидели капитан и Герда, и внимательно слушала.

Полторы с небольшим сотни солдат, из которых почти треть были ранены – прорываться им пришлось с боем, выведенных капитаном из окружения – это всё, что осталось от второго пограничного егерского полка.

А если учесть, что в Сарской провинции этот полк был единственным крупным отрядом регулярной королевской армии, а полки городского ополчения и дружины местных владетелей практически в полном составе перешли на сторону мятежников, то получалось, что опереться в этих местах бригаде будет не на кого. И право, предоставленное ре Вилом полковнику Ашеру, дополнить бригаду местными отрядами, оказывается пустышкой.

Капитан Нойм, поначалу обрадовавшийся, что встретил разведку королевской армии, теперь сник, узнав, что от той армии сейчас меньше двух тысяч солдат.

– Это бессмысленно, – говорил он, поднося ко рту металлическую кружку горячего чая. – Там три полка одних только наёмников, да ещё четыре полка ополчения, в котором наверняка теперь и мои бывшие сослуживцы. А ещё отряды владетелей. Сомнут, одним только числом задавят. Я уж не говорю, что магов у них не меньше трёх десятков, без учёта наёмных – сколько тех, я даже не берусь судить.

Оставив офицеров возле костра, где уставший, полностью вымотавшийся капитан делился обидами на предательство своих бывших сослуживцев – это его зацепило намного больше, чем сам мятеж и вторжение наёмников, Уля прошла вдоль цепочки костров, местами разгонявших ночную темноту, возле которых доедали скудную пищу и укладывались на отдых солдаты разгромленного полка. Раненых она подлечила ещё до этого. Но постаралась сделать это незаметно, вливая в Малое Исцеление совсем немного энергии так, что пришедшее облегчение раненые могли принять за следствие остановки на отдых.

Исключение сделала только для двоих тяжёлых – эти без её помощи смогли бы прожить не дольше пары дней.

После её лечения, тоже не на полную силу, тяжелораненные уснули. До полного восстановления им было ещё далеко, но смерть в этот раз уже не грозила.

– Видно, у нашего короля совсем неважно дела идут, раз таких пигалиц в строй ставит, – перед ней встал крепкий бородатый егерь. – Дальше не ходи. Там уже посты выставлены. Да ты не бойся, – усмехнулся он, ошибочно предполагая, что напугал молодую девчонку. – У меня дочь такая, как ты. Не обижу.

– Да я и не боюсь, – улыбнулась ему Уля, но дальше не пошла.

– Ух ты, смелая какая, – услышала она добродушный смешок, уже возвращаясь к своим и тут же натыкаясь на Лолу, которая, стараясь оставаться в тени, всё это время следовала за своей хозяйкой.

Вести, доставленные капитаном, заставили хоть на время прекратить распри в штабе бригады. Главный предмет спора теперь потерял актуальность – не было смысла теперь идти ни к Вейнагу, ни к границе с Саароном.

Дополнительных сил, как стало понятно, им уже не собрать. Регулярный полк, на который они могли бы рассчитывать, больше не существовал.

Людей капитана Нойма накормили, раненых отправили в лазарет, а остальных объединили с кавалерийской сотней бригады.

Решили ускоренным маршем идти к поселению Лыжки, в котором, по рассказу Нойма, был мост через Лару, разрушив который, можно было бы вдоль берега поставить заслон на пути мятежников и наёмников.

– Вернулись егеря, которых на разведку посылали. В Лыжках уже наёмники, – рассказал графине Ушор, приехавший от головы колонны, куда его посылала лейтенант, чтобы узнать причину остановки движения.

Ниндзя ехали в стороне от колонн бригады, между рощами и перелесками, контролируя фланги вместе с десятками кавалерийской сотни и егерями Нойма, рассыпавшимися по округе.

– Мы сейчас комбригу явно понадобится, – сделала вывод из новости Герда.

В Лыжки лейтенант отправилась лично, взяв с собой ещё только двух парней, которые лучше других в её отряде умели неслышно подбираться к врагу. Она оказалась полностью права насчёт того, что им поставят задачу добыть пленника.

Уля спала чутко и сразу же проснулась, когда Герда с парнями вернулись.

– Доставили Ашеру аж целого капитана наёмников, командира второй сотни, – рассказывала лейтенант, зевая. – Я посплю немного, – она стала разворачивать спальный мешок. – Мы его на выходе из сортира взяли – приспичило ему ночью, видимо. В общем, в Лыжках пока один только полк, стандартный, так сказать, на тысячу мечей. Остальные наёмники остались у замка Курман, это в двух днях пути отсюда. Пытаются вынудить графа сдаться или грозят штурмом. Только понимают, что вряд ли у них что получится – у ри Курмана, пожалуй, единственного из здешних владельцев, кто не примкнул к мятежникам, впрочем, и на нашего доброго короля ему наплевать, у него два сильных мага в замке, а стены высоченные и толстенные. Так что потопчутся там и сюда пойдут. Но завтра-послезавтра в Лыжки должны три полка ополчения подойти. И двинутся к Лара-Сару. Уля, ты не против? – спросила она, забравшись в спальник.

– Конечно, спи, – смущённо шепнула Уля.

Сама графиня уже спать не захотела. Поднялась и отправилась к костру дежурного, чтобы заставить того поделиться крепким чаем. Посапывающую Лолу будить не стала.

К середине дня графиня поняла, что, похоже, полковник Ашер, справедливый и грамотный командир, ничего из того, что им всем втолковывал брат, не усвоил.

Уля, многого нахватавшись от брата, была уверена, что будь здесь сейчас он сам, то баталии, пользуясь внезапностью и почти двукратным превосходством в силах, уже бы разгромили расположившийся в Лыжках полк наёмников и, скорее всего, двинулись бы навстречу ополченцам. Или брат ещё бы какую-то хитрость придумал. Он на это большой мастак.

Олег как-то рассказывал ей, что все идеи лежат под ногами. Надо только внимательно посмотреть под ноги и вовремя эти идеи поднимать.

Он даже как-то рассказывал ей историю из своих дальних родных мест, как рядом с ними были государства каких-то индейцев, которые так и не додумались до колёс, а таскали всё во вьюках или волочили волокушами, при том, что сам принцип им был известен – даже на детских игрушках у них были колёсики. Но вот же как бывает – на игрушки приделать колёсики догадались, а для пользы не додумались.

Уле с трудом верилось в такое, но брат, когда говорил серьёзно, её никогда не обманывал. И она ему верила. Её брат самый лучший из всех людей. Нечай, он хороший, конечно, хоть и ревнивый дурачок, но Олег – это Олег. Он – вся её жизнь. И брат, и отец, и Семеро вместе взятые.

Полковник Ашер и граф Олни ри Зенд пришли к полному взаимопониманию, что им надо занять оборону на крутом холме, на который взбиралась идущая в Лара-Сар дорога. Обойти этот большой холм справа мешал глубокий овраг, а слева от холма находилась густая роща, в которой, помимо близко расположенных деревьев, всё ещё и заросло кустами ежевики.

В центре поставили третью баталию, которая приступила к рытью ям впереди своего будущего строя. Эти ямы должны были, по задумке Ашера, расстроить наступающие фаланги противника.

Граф настаивал на возведении рва и палисада за ним, но полковник это требование проигнорировал. Сила баталий – в мощном ударе её сомкнутого плотного строя. А в сражении на укреплениях экипированные в тяжёлые доспехи, менее подвижные, вооружённые громоздкими алебардами бойцы баталий теряли почти все свои преимущества.

Судя по поджатым губам и злomu выражению лица ри Зенда, быстрым шагом, в окружении своих подпевал, удалявшегося от шатра командира, убедить его у графа не получилось.

– Лола, иди сюда, – подозвала Уля охранницу. – Найди этого, как его, ну бывший Гнус он. В общем, пусть найдёт время и подойдёт сюда.

– Зачем? – у Лолы было иногда такое право не сразу бросаться выполнять команду. – Его теперь зовут Ковин, первый сержант Ковин. Ты обещала ему запомнить.

– Обязательно запомню, – кивнула Уля. – Он мне нужен, чтобы через него кое-что передать батальным магам. Чувствую, что по вине этих дураков, одними исцеляющими заклинаниями мне не отделаться.

Задавать вопрос, кого её хозяйка назвала дураками, Лолита не стала. Сама догадывалась, что графиня недовольна полковником и королевским представителем.

Ковин смог освободиться и прийти к расположению ниндзя только перед самым ужином.

На его попытку поклониться ей Уля шикнула и незаметно погрозила ему кулачком – вокруг бродило множество солдат, отправляемых командирами по различным делам.

– Ковин, я знаю, что ты сообразительный. Придумай, как подготовить ваших батальных магов к тому, что Сферы у противников могут исчезнуть в самый неожиданный момент. И чтобы они сами не растерялись и смогли этим воспользоваться. Сможешь?

Глава 7

Командиры мятежников и наёмников мыслили теми же категориями, что и полковник с графом. Обнаружив на своём пути королевские войска, полк наёмников и четыре полка ополченцев, имея более чем двукратное преимущество, атаковать бригаду не спешили.

Выйдя из деревни, полки развернулись широким фронтом в лиге от строя батальи и устроили там временные стоянки. Палаток они не разбивали, кроме небольшого количества, очевидно, для командного состава, но костры там задымили.

– И долго они так будут стоять? – спросила Уля вслух сама себя.

Ответ на свой вопрос она знала, как знали этот ответ и все в баталиях. Мятежники ждали подхода к ним ещё двух наёмных полков, по прибытии которых их преимущество над королевскими войсками станет трёхкратным.

Как ни странно, двухдневное стояние напротив врага, значительно улучшило боевой дух в баталиях. Уля вспомнила сказанную братом однажды фразу, что и бояться люди устают. Правда, это было сказано по другому поводу, но и сейчас эти слова ей показались уместными.

Уныние и обида от осознания того факта, что ими пожертвовали, теперь сменились на деловую суету и нетерпеливое ожидание битвы – всем казалось, что чем раньше битва начнётся, тем быстрее и кончится эта, мучившая их на марше тревога.

– Ушор вернулся, – сказала подошедшая сзади Герда. – Поехал докладывать комбригу.

– Идут?

– Да, на подходе. Оба полка. К вечеру будут здесь, – подтвердила лейтенант.

Ниндзя расположились в роще, расчистив себе под стоянку небольшой, десять на десять шагов, участок от кустарника. Кроме них, в роще были ещё и дозоры от спешенных кавалеристов, чтобы не допустить скрытного прохода врага в тыл баталиям.

– Госпожа... Уля, а вы... ты будешь, ну, в смысле... – Герда мялась, стесняясь напрямую спросить графиню о её планах на предстоящее сражение.

– Буду, – вздохнула Уля. – Конечно, буду. Только пока не знаю сама, как всё пойдёт. И загадывать не хочу.

Что такое экспонента, Уля так и не поняла, но сам принцип зависимости магической мощи от размера резерва мага, который ей объяснял брат, она уже бесчисленное количество раз опробовала на собственном опыте, да и не раз сравнивала себя с другими магами.

Если один маг превосходил размерами своего резерва другого мага на десятую часть, то мощь его магии была в полтора раза выше, а если резерв был больше в два раза, то магическая сила – в десять раз и более.

Уля же превосходила размерами своего магического резерва даже такого мага, как королевский советник Доратий, в два раза.

Не существуй заклинания Сфера, Уля в одиночку бы разгромила все подошедшие сейчас силы мятежников и наёмников вместе с их магами.

Но неприятность для неё Сфер была в том, что это заклинание поглощало четырнадцать из пятнадцати частей направленной на неё магической энергии. Даже Уле с её огромной мощью в сражении с легионерами Болза, чтобы разбить Сферу над одной из баталий, потребовалось потратить почти треть своего резерва.

Но семь полков, с которыми сейчас предстояло иметь дело – вовсе не одна баталия. Обнадёживало только то, что вряд ли среди мятежников или наёмников найдутся такие же сильные маги, какие были у Болза, и их Сферы будут значительно слабее.

О том, что ей ещё может потребоваться после боя исцелять раненых, Уля вообще старалась не думать. Сначала надо достичь победы.

Олег только шутил, когда говорил, что сила есть – ума не надо. А вот ей бы сейчас хоть немножко от брата ума бы не помешало.

– А граф ри Зенд? Он ведь сразу догадается.

– Надеюсь, что нет, – сама сомневаясь в своих словах, ответила Уля. – Но ты сможешь, если что. Надо будет проследить – если он кого к королю пошлёт, надо бы гонца... Ну, ты понимаешь. Убивать, конечно же, не надо, но вот перехватить и где-нибудь подержать какое-то время...

– Это мы сможем, – улыбнулась Герда, у которой от того, что графиня решила помочь в сражении, явно улучшилось настроение.

– Вам надо поесть, госпожа, – Лола вечно, как наседка над цыплёнком, следила за хозяйкой. – Твой любимый мёд и сыр, ну и, если захочешь, мясо вяленое, – она показала на импровизированную скатерть, разложенную на краю расчищенной полянки.

– Я что, одна есть буду? А остальные смотреть? Лолита, ты совсем что ли берега попутала? – Уля, когда искренне возмущалась, незаметно для себя начинала иногда использовать выражения, услышанные от брата.

– Да вы ешьте, госпожа. Мы тоже сейчас организуемся, – сказал один из парней-ниндзя, невольно услышав слова графини.

Вечером из стана неприятеля донеслись радостные крики. И без всякой разведки было ясно, что прибыли ожидавшиеся полки. А скоро их стало и видно.

Не особо соблюдая строй, поток наёмников вытекал из деревни и присоединялся к тем, кто прибыл раньше их.

Уля не была уверена в этом полностью, но почти наверняка предполагала, что Олег бы этой ночью или рано утром атаковал расслабившегося и, судя по шуму, длившемуся полночи, даже загулявшего противника.

Но Ашер и в этот раз предпочёл действовать по старинке.

Уля еле сдерживала себя, чтобы не пойти и не наорать на этого консерватора. Брат же учил их всех, что надо всегда владеть инициативой. И всё, получается, без толку.

Графиня решила, что будет уговаривать Олега смелее менять старых опытных вояк на молодых, пусть неопытных, зато более восприимчивых к его идеям. Вон какие ниндзя молодцы. Или егеря. Или Нечай с Агрием. Всё на лету схватывают.

А эти, даже такие, как Чек с Тормом, замечательные люди и опытные воины, но если с ними рядом её брата не будет, многое не смогут. Полковник Ашер ей нравился. Это-то и обидно, вдвойне.

– Кажется, зашевелились, – прокомментировала Лолита начавшееся движение противника.

Солнце взошло уже давно, но мятежники и наёмники в бой не торопились. В своей скорой победе они явно были уверены.

Уля, по рассказам Чека, думала, что враги сначала пришлют парламентёров с предложением и условиями сдачи. Но то ли такое практиковалось перед сражениями между армиями разных государств, то ли мятежники вообще рассчитывали смять противника первым же натиском, но никаких переговоров не было.

После неторопливого построения в фаланги, под противный звук рога полки начали движение.

– Наёмников вперёд поставили, – сказал очевидное кто-то из ниндзя.

– А ты как хотела, Мерга? Им деньги заплатили. Пусть теперь отработывают, – напряжённым голосом ответила Герда. – А наниматели могут и сзади побережся, – лейтенант уже всеми мыслями была там, на поле боя.

В отличие от полков, вытянувшихся в две ровные линии фаланг – в первой линии шли три фаланги наёмников, а во второй – четыре фаланги ополченцев, баталии выстроились невиданным в этих местах порядком оросской пехоты.

Впереди, на правом фланге оказалась вторая баталия, в которой служил Гнус, вернее, теперь уже Ковин. В центре бригады шла третья баталия, отставая от второй на полсотни шагов. На левом фланге, также отставая на те же полсотни шагов, шла первая баталия. Получилось какое-то рваное построение уступами.

– Они уже устали, что ли? Смотрите, первая и третья, они отстают, – заметила Герда, первый раз наблюдая за действиями баталий в бою.

Уле уже приходилось в Растине видеть попытку создать такой строй. Только, к счастью, тогда баталиям легиона это сделать не довелось, в том числе и благодаря действиям самой Ули.

Но что-то объяснять она не стала, полностью сосредоточившись на том, что происходило на поле боя.

А там пока всё складывалось в пользу баталий, ещё до столкновения строев.

Не было сомнений, что индивидуальная выучка во владении оружием у наёмников, большинство из которых уже давно занимались воинским делом, выше, чем у солдат баталий. Но вот физически бывшие преступники и бомжи, как их иногда называл в шутку Олег, раскаченные непрерывными, надрывными, до полного упаду тренировками, были намного сильнее.

Но не это, пожалуй, было главное. Уле бросилась в глаза полная несогласованность действий наёмников в строю. Чек ей рассказывал, что наёмные полки набирались из множества самостоятельных отрядов разной численности, и боевого слаживания добиться от них было сложно, но всё же наёмники – это профессионалы, и многое они могут и без тренировок.

Тем не менее сейчас они продемонстрировали полную неразбериху, особенно когда подошли к линиям выкопанных по приказу полковника Ашера ям.

Строй шедшей справа фаланги наёмников смешался как раз к моменту, когда вторая баталия обрушилась на её левый фланг и, полностью смяв его и опрокинув, ударила в бок вторую фалангу, на которую, ускорив шаг почти до бега, набегала третья баталия.

В каждой баталии, построенной в двадцать шеренг по двадцать пять человек в каждой, только первые две и одна последняя шеренги были вооружены мечами-полторниками, а все остальные – тяжёлыми длинными алебардами, которыми солдаты через спины своих товарищей наносили мощные удары по противнику.

Долгие изматывающие тренировки дали о себе знать – в тяжёлых латных доспехах оросской пехоты, укреплённых магией, закованные в них практически с ног до головы, солдаты баталий сохраняли удивительную подвижность и полную согласованность действий.

Ставшая жертвой первого удара, шедшая справа фаланга наёмников ещё не успела переформироваться и вновь поставить строй, как центральная фаланга наёмников, получив два мощных таранных удара, сначала в бок, а потом и во

фронт, смешалась в кучу и начала отступать. Через совсем короткое время это отступление превратилось в бегство.

Шедшая слева фаланга наёмников ничем не могла помочь, потому что в это время встретила удар первой баталии. И тут наёмники тоже почувствовали себя бессильными перед плотно сомкнутым строем тяжеловооружённых латных пехотинцев и обрушивающимися на них ударами не только мечей первых рядов баталий, но и алебард из задних рядов.

– Во дают! – восхитилась Лолита.

И графиня разделяла восторг своей охранницы-подруги. То, как быстро и ловко баталии раздавили три фаланги наёмников, пусть и вооружённых намного проще и не имеющих такой строевой выучки, зато вдвое превосходящих количеством, было удивительно. Особенно, если вспомнить, из кого Олег эти баталии формировал.

Но битва на этом не была закончена. Смешавшиеся в неорганизованные толпы наёмников отступили, оставив на поле боя почти четверть своих товарищей убитыми и ранеными, а на их место пришли четыре фаланги ополченцев.

К этому времени баталии оказались стянутыми на левый фланг, где добивали остатки наступавшей там фаланги наёмников.

Воспользовавшись тем, что бригада, по сути, оставила свободным почти всё поле боя, полки мятежников широким полукругом принялись прижимать баталии к оврагу.

Первый удар полков пришёлся на вторую баталию. Казалось, что эта огромная толпа сейчас её просто поглотит. Но не тут-то было.

– Это же Малыш Гнус! Или как там его теперь? – возбуждённо вскрикнула Уля, увидев, как впереди перестроившейся клином баталии оказалась полусотня, которую вёл знакомый ей невысокий парень, сейчас весь заляпанный кровью.

– Ковин, госпожа, – машинально ответила Лолита. – Вы обещали запомнить, – опять напомнила она хозяйке. – Семеро, что они творят!

А зрелище и впрямь было завораживающее. Уле оно напомнило придуманное братом устройство для рубки мяса под придуманные им же манты. Клин входил в строй центрального полка, словно нож в масло.

В этот момент ещё бы чуть-чуть, и противник бы побежал. Но полк, на который обрушила свой удар вторая баталия сумел выстоять до того момента, как остальные три полка закончили охват баталий. И теперь все предыдущие успехи бригады сошли на нет.

Графиня увидела, как в тылу полков мятежников криками и угрозами своих командиров снова начали выстраиваться полки наёмников и поняла, что пришло время и ей вмешаться.

Она только краем глаза увидела, как Ашер лично с вершины холма повёл в бой свой единственный резерв – спешенную кавалерийскую сотню, хозроту, вооружённую арбалетами и полторы сотни примкнувших к бригаде остатков второго егерского пограничного полка.

Всё же маги мятежников оказались намного слабее магов легиона. Заклинание Водяная Плеть, которое она наплатила полностью, влив примерно одну шестую своего резерва, как и во время сражения с баталиями Болза, в этот раз разрушило Сферу над тем полком мятежников, который противостоял второй баталии, с первого же удара.

Этим тут же воспользовались батальные маги. Уля увидела, как то тут, то там среди врагов стали вспыхивать огни заклинаний Пламя, выжигая то по пятёрке, то по десятке, в зависимости от силы применяющего заклинание мага, мятежников.

И полк ополченцев, который только что сумел остановить наступление противника, почти моментально обратился в бегство.

Затем она также разбила Сферу над самым ближним к ней полком и, следом заклинанием Воздушный Поток, запитанным ею полностью и направленным почти вертикально вниз, она практически размазала этот полк по земле, оставшись с едва ли четвертью своего резерва магии.

Столь быстрый и ужасный конец целого полка и предыдущий разгром наёмников посеяли такую панику среди мятежников, что даже среди их командиров не нашлось ни одного, кто попытался бы хотя бы организовать отступление.

– Полковник Ашер был в таком восторге, что голова у него, похоже, совсем перестала работать, – рассказывала вернувшаяся из штаба бригады Герда. – Он громче всех орал, что герцог нас не бросил, и что тут где-то рядом сейчас присланная им его сестра. И что если графиня не хочет нам показываться, то это её, то есть ваше дело, но он не забудет, и всё такое.

– Понятно, – Уля примерно это и предполагала. – Что с графом и много ли раненых?

– Граф, как вы и предполагали, сразу же отправил гонца к королю. Ушор с Релной гонца приняли прямо возле брода в четырёх лигах отсюда. Сейчас отсыпается связанным. Про раненых не догадалась спросить, – смутилась лейтенант.

«Какой гад этот граф Олни ри Зенд, – подумала Уля. – А ведь в любви признавался, а сам соперника оповещает».

– Эх, надо идти. Или ехать, – Уля поднялась. – Герда, давай не спеша проедемся мимо лазарета. Я посмотрю, что с остатками моего резерва можно будет сделать.

Лазарет находился на краю деревни, рядом с Ларой, чтобы иметь под рукой в достатке воды. Уля отметила профессионализм главного бригадного лекаря не только по грамотному выбору места для лазарета, но и по тому порядку и чистоте, которые в нём были обеспечены.

Возле одной из палаток графиня увидела плачущую девушку в форме арбалетчицы и сразу признала её. Это была та смешливая повариха, которая часто приносила им обед.

Перед входом в палатку, на носилках, лежал ещё один знакомый.

– Смотри, Малыш, – засмеялась Лолита. – Какой ты везучий на лечение от госпожи. Какой уже раз, помнишь?

– Его зовут Ковин, – в этот раз хозяйка поправила свою охранницу. – Я запомнила. Ты молодец, – обратилась она к первому сержанту. – Я видела, как ты сражался. Как шёл впереди своей полусотни.

– Командира убили, поэтому пришлось мне вести ребят, – смутившись и словно оправдываясь, произнёс полностью излеченный Ковин.

– Вы – графиня! – вскричала арбалетчица-повариха. – Спасибо вам, госпожа! Простите, что сразу не признала...

– Наша прекрасная графиня, оказывается, умеет очень хорошо скрываться даже от своих добрых друзей, – голос графа ри Зенда, прозвучавший за её спиной, Уля сразу узнала.

Она, обернувшись, посмотрела на графа равнодушным взглядом. Хотя, конечно же, была достаточно зла на него из-за посланного им к королю гонца.

– Рада вас видеть, граф.

Глава 8

В тюрьму, построенную по просьбе Бора недалеко от восточной стены, Олег заехал, возвращаясь из Палена, где решал вопрос по устранению последствий своего давнего непродуманного социального эксперимента.

Олег однажды отпустил на волю огульно всех рабов бывшего барона Палена, работавших на рудниках и лесоповале, и в результате обзавёлся несколькими сотнями безработных нищих.

К его удивлению, многие бывшие рабы, получив свободу, избавились не только от палки надсмотрщика, но и от получаемых ими от хозяина еды, одежды и крова над головой. Буквально единицы из них смогли найти себе место в новой

свободной жизни.

В армию большинство из них не годилось по причине возраста, а устраивать для них каторгу – так какого, спрашивается, дьявола он вообще тогда их освобождал?

В общем, ничего хорошего от того эксперимента двухгодичной давности у Олега не получилось, кроме, пожалуй, полученного урока, что не нужно принимать скоропалительных решений. Как не стоит изобретать паровой двигатель, пока не выросла плеяда механиков-ньютонеров, так и не нужно строить из себя Спартака. К тому же и со Спартаком-то в реальной истории не всё так однозначно было.

– Пока вы были в отъезде, разместили его в камере для задержанных уважаемых, – объяснил Бор про городского Голову Нерова, доставленного по приказу герцога на правёж. – В еде и сне не ограничивали. С Нурием встречи не организовывали. Хотя вы, наверное, знаете, палач наш с Пражиком знакомы давно и не раз пили вместе. Но вы не подумайте, на работе Нурия это никак не скажется. Если только прикажете...

– Не надо, – остановил ставшего вдруг словоохотливым обычно молчаливого начальника комендантской службы. – Проводи меня в свой кабинет и давай туда же этого Ляпкина-Тяпкина.

Здание тюрьмы из тёмно-красного кирпича было построено без всякой магии. Участвовать самому или в очередной раз припахивать сестру, которую он и так грузил работой, как ослика, для возведения такого объекта он посчитал не солидным. Но и без их участия тюрьма получилась мрачной на загляденье – куда там той Бастилии.

А всё потому, что Олег щедро наделял своих строителей не только деньгами, но и своими архитектурными идеями, без всякого зазрения совести и патентных платежей утаскиваемыми им из своего прошлого мира.

Дизайн для тюрьмы он взял из когда-то виденного им американского ужастика. Здание было в два этажа с острой черепичной крышей ещё более тёмного цвета, чем кирпич, из которого оно было построено – цвета венозной крови. Узкие, словно щели, окна были все зарешечены, за ними находились кабинеты и

комнаты сотрудников тюрьмы, служебные помещения и камеры для задержанных уважаемых – к уважаемым относились те торговцы, купцы, мастера и прочие, кто платил в год больше ста лигров налогов.

Кроме этих помещений, у тюрьмы были и подземные два яруса, где находились камеры как одиночные, так и общие для основной массы провинившихся, а также допросные кабинеты и пыточные.

– Вот скажи, Пражик, на кой тебе нужно было воровать? У меня! – Олег не только напускал на себя злой вид, но и правда был зол на этого прохвоста. – Я тебя, скотина, ограничивал в деньгах? Ты не мог у меня просто попросить?

Пражик плакал, что Лукавый – самый молодой и единственный отрицательный персонаж среди богов в пантеоне Семи – попутал. Что сам не знает, как так получилось. Что доченьке всё в приданое отдал, а сам остался гол как сокол. Что готов искупить и всё вернуть. Валялся у герцога в ногах и всеми Семью клялся, что больше такого не повторится.

В последнее Олег не верил почему-то совсем. Ему даже вспомнился момент, как в фильме «Кавказская пленница» Балбес, еле двигаясь после заморозки в холодильнике-рефрижераторе, всё же находил в себе силы пытаться спереть тушку баранины.

– Эх, Пражик, Пражик, а я ведь хотел тебя орденом даже наградить. А теперь вот не знаю, что с тобой делать.

Даже если бы городской Голова Нерова и знал, что такое орден, то вряд ли бы он обратил на эти слова внимание – слишком уж он был убит свалившимся на него несчастьем, чтобы особо вдумываться в слова герцога о несостоявшемся награждении. Пражика хватало только на то, чтобы тихо и безнадежно скулить, вымаливая себе прощение.

– Бор, где там у нас Нурий или кто из его подручных? – спросил герцог.

Услышав эти слова, Пражик, что называется, поплыл. Похоже, его сознание почти отключилось. Он что-то бормотал, пока два стражника волокли его на задний двор, где были виселица и плаха, находившиеся там больше для устрашения – почти все казни в герцогстве, как и во всех остальных землях,

были публичными. Воспитательный эффект здесь считался не менее важным, чем кара за преступление. Хотя случались, естественно, и такие случаи, когда казнили без публичности, но такое было редкостью.

– Не надо! – закричал, словно только что очнувшийся Голова, когда обе его руки зажали в колодки, а здоровенный молодой парень, с топором себе под стать, встал сбоку плахи, к которой эти колодки прикрепили.

По знаку герцога подручный Нурия двумя быстрыми и точными ударами топора отрубил кисти рук Пражика. Двое других подручных, совсем ещё молодые ребята лет семнадцати, подхватили обмякшее кричащее тело и держали, пока палач не перетянул жгутами обрубки.

– Пусть отнесут вон туда, – Олег показал Бору в сторону небольшой караулки возле въезда на задний двор. – И найди закрытый транспорт, пусть его перевезут ко мне в особняк. Не во дворец, а в особняк. Понял? – ещё раз уточнил он.

Олег и сам себе не смог бы ответить на вопрос, сыграл ли свою роль в его решении помиловать Пражика тот факт, что нынешнему Голове сейчас пока не было полноценной замены, или он его помиловал из-за оставшихся в нём от прежнего мира взглядов. Но он решил, вначале примерно наказав, затем прохвоста исцелить и оставить на прежней должности. Только усилить за ним контроль.

Здесь, вообще-то, милосердие было не в чести. Примерно, как и в средневековой Европе. Это в русском варианте сказки Золушка история заканчивается балом счастливой девушки, а в немецком подлиннике – злую мачеху с её мерзкими и отвратительными родными дочерьми посадили в металлическую бочку, изнутри утыканную гвоздями, и скатили с крутой горы – эдакий движущийся вариант Нюрнбергской бабы. А в сказке про Пинокио, итальянском прообразе Буратино, в концовке лисичку забили палками, а несчастному слепому коту крыса отгрызла лапку.

Вот и здесь часто доброта считалась слабостью, а возмездие – необходимостью.

– Я знаю, что ребятки Нурия умеют держать язык за зубами, но на всякий случай ещё раз их предупреди, чтобы про сегодняшнее забыли. И сам забудь, –

приказал Олег Бору.

Он так распорядился, скорее, по устоявшейся привычке всё скрывать, а, на самом деле, в той огромной толпе слухов, которая давно его окружала – одним больше, одним меньше роли уже не играло. Ну обрубили кому-то руки, а они опять отросли – подумаешь. И не то ещё про герцога болтают. К тому же сам процесс исцеления никто, кроме него самого и Пражика, не увидит.

Свой особняк Олег вовсе не забросил. Даже, наоборот, старался чаще ночевать здесь, а не во дворце. Хотя, конечно же, днём он здесь практически не бывал.

Последнее, видимо, учли и два неожиданных голубка – получивший два выходных дня полковник Клейн и бывшая хромоножка, надолго ставшая звездой светских сплетен баронета Иретта Дениз, дочь одного из самых толковых его командиров полков.

Службу оповещения Клейн поставил хорошо, поэтому застукать его с баронетой прямо вовсе уж на горяченьком у герцога не получилось.

– Извините, что я вас потревожил во время вашей семейной драмы, – немного перефразировал слова Натальи Крачковской из фильма «Иван Васильевич меняет профессию», встретив на лестнице торопливо спускавшихся покрасневшихся друзей. – Приветствую вас, баронета, – первым, вопреки этикету, поздоровался он с растерянной Иреттой. – Клейн, молодец, хорошо проводишь время, – увидев, как сильно он их смутил, пожалел обоих: – Иретта, я рад тебя видеть. Надеюсь, ты не откажешься с нами пообедать? Клейн сейчас распорядится.

Подождав, пока смущённая баронета закончит своё ответное приветствие и ненужные слова оправдания, жестом пригласил её в гостиную.

– Там сейчас тело привезут, – придержал он за локоть своего министра двора, отправившегося отдать распоряжение про накрытие стола. – Да не труп, говорю, а тело, – увидев, как дёрнулся Клейн, пояснил он. – Дай команду, чтобы в комнатку надзирателя пока уложили.

Об угрозе намечающегося мезальянса Олег был в курсе – сплетница Веда давно ему спалила Клейна, к которому особых симпатий не испытывала. Придётся,

наверное, в самое ближайшее время подыскивать и Клейну баронство.

Не то чтобы Асер Дениз, так грамотно управляющий вторым егерским полком, был снобом, который не позволит своей дочери выйти замуж за простолюдина – всё же министр двора и особа, приближенная к герцогу Олегу ре Сфорцу, это не бродяжка с улицы, но зачем создавать лишние неприятности достойному офицеру?

– Я взял на себя смелость распорядиться, чтобы к столу подали водку, – увидев изумлённую реакцию герцога на поставленную в середину стола открытую стеклянную бутылку с прозрачной, как слеза, жидкостью, пояснил Клейн. – Сегодня с утра доставили ящик. Передали от Ринга и Малоса, что все ваши замечания и пожелания учли. Просят опробовать. И там ещё... – увидев, как герцог сам потянулся за бутылкой, он замолчал.

Олег, и не только в своём окружении, загульное пьянство не терпел, но пили здесь все постоянно, что называется, с молодых ногтей. Правда, пили лёгкие напитки – сидр и вино, часто разбавленные. Своеобразный антисептик в условиях средневековой антисанитарии. Кальвадос оказался революцией в местной жизни и приносил баснословную прибыль. К счастью, никакой алкоголизации местного населения он не вызвал, как когда-то виски, сгубивший целые народы индейцев, или водка, едва не погубившая народы Русского Севера.

Налив одному только себе, Олег сначала водку понюхал, затем уже одним глотком выпил.

У химиков действительно получилось то, что нужно. Может, до высоких стандартов его прошлого мира и не дотягивало, но он, не будучи профессионалом в употреблении алкогольной продукции, особой разницы не почувствовал. Главное, что всякие сивушные запахи отсутствовали.

– Ух, вроде нормально, – закусив отрезанным кусочком груши, он жестом показал, чтобы Клейн налил себе и баронете.

«Опьянеют слишком – исцелю», – подумал он. Но расслабиться любовникам было необходимо. Он видел, как они неуютно себя чувствуют.

– Так что там ещё? – подождав, пока Клейн закусит, спросил он.

– Прибыл из Распила тот парень, про которого баронесса Гелла Хорнер с вами говорила.

Олег понял, о ком он говорит. О талантливом ученике Ринга – Трашпе, который неоднократно был бит своим учителем за ненужные глупости. В реальности же этот восемнадцатилетний парень оказался просто самородком. К изумлению Олега, этот плохой, по мнению Ринга, химик так увлёкся физическими процессами, что додумался уже даже до первого закона Ньютона, о том, что действие равно противодействию.

Это в современном прошлом мире Олега было всем очевидно, а здесь такое открытие опережало время на века.

Вот только, по всей видимости, здесь с наукой было всё точно также, как, наверное, и во всех остальных мирах, хоть немагических, хоть магических. Пока ты учишься и растёшь в знаниях, то все тебя хвалят и даже помогают. «Вот это изучи», «вот отсюда перепиши», «вот ещё посмотри, какой ты молодец». Но стоило ученику стать самостоятельным и начать предлагать что-то своё, новое, как он начинал получать на свою голову все неприятности, какие только можно придумать.

Доводить своих Джордано Бруно и Галилеев до костров и отречений от своих открытий, Олег не хотел категорически. Поэтому решил, что при школе у него будет ещё и своё Сколково. Это в прошлом мире такая идея оказалась немного, мягко говоря, сомнительной, а у него, он надеялся, должно получиться.

А ведь в начале физика и механика пойдут, как говорится, рука об руку. И герцогу, как можно скорее, хотелось бы увидеть своими глазами достижения техномагии. Но для этого нужно создавать своим талантливым подданным, как уже выявленным, так и будущим, все необходимые условия для их исследований и развития.

Кара оказалась замечательным организатором и хорошим педагогом. В науку она лезть не станет, а, значит, и мешать не будет. Места свободного в здании школы полно ещё, а не хватит, так можно будет и ещё один корпус сзади пристроить.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/usov_serg/gercog-re-sforc

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)